

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 ЮНІА

№ 11.

1867 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редаціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

1) ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІА:

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, въ 14-й день минувшаго Мая, Епископъ Нижегородскій *Нектарій* возведенъ въ санъ Архіепископа, во вниманіе къ отлично—усердному служенію, пастырской попечительности о благоустройствѣ епархіи и состоящихъ въ ней духовно учебныхъ учрежденій, преимущественно же къ понесеннымъ трудамъ при составленіи проектовъ устава духовныхъ Семинарій и Училищъ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 14 день мая, всемилостивѣйше соизволилъ причислить къ ордену св. Анны 1 ст. пресвященныхъ: епископа Имеритинскаго *Гавріила* и епископа Горійскаго *Геронтія*, викарія Карталинской епархіи.

2) Отъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 4 день мая Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

1) Для обсужденія важнѣйшихъ учебно-педагогичес-

гихъ дѣлъ учредить при Святѣйшемъ Синодѣ Учебный Комитетъ.

2) Существующее при Святѣйшемъ Синодѣ Духовно-Учебное Управление, вмѣстѣ съ общимъ присутствіемъ упразднить, передавъ дѣла сего управления по строительной части и вообще хозяйственной части, вмѣстѣ съ книжнымъ запасомъ, въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ, а переписку по всѣмъ остальнымъ дѣламъ—въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

За таковымъ высочайшимъ повелѣніемъ текущее производство въ Духовно-Учебномъ Управленіи при Святѣйшемъ Синодѣ прекращено.

Мѣста и лица, которыя входили въ сношеніе съ Духовно-Учебнымъ Управленіемъ, благоволятъ относиться къ нимъ по принадлежности въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синодѣ и въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

3) Награды Святѣйшаго Правительствующаго Синода

Указомъ Святѣйшаго правительствующаго Синода отъ 4 минушаго мая дано знать, что изъ числа духовныхъ лицъ Тамбовской епархіи, о награжденіи которыхъ епархіальное начальство ходатайствовало въ представленіи своемъ, за ихъ отлично-ревностную службу, Святѣйшій Синодъ, на основаніи бывшихъ разсужденій, между прочимъ опредѣлилъ: удостоить 1) возведенія: а) въ санъ архимандрита, игумена Вышенской пустыни *Аркадія* и б) санъ протоіерея: священниковъ—города Елатъмы троицкой церкви Николая *Знаменскаго* и священника села Иловое Рождественскаго Козловскаго уѣзда Ксенофонта *Петропавловскаго*, и 2) Благословенія Святѣйшаго Синода: священниковъ—города Темникова Богословской церкви Петра *Лисина*, села Зубкина Спаскаго уѣзда Максима *Дубинина*.

село, села Каликина Лебедянского уѣзда Петра *Израильскаго*, села Нижняго Чуева Борисоглѣбскаго уѣзда Михаила *Остроумова*, села Ярка Козловскаго уѣзда Иоанна *Дроздова*, села Новаго Гаритова Козловскаго уѣзда Иоанна *Цытаева*, села Барковъ Шацкаго уѣзда Стефана *Рождественскаго*, города Козлова Троицкой церкви Иоанна *Знаменскаго* и села Борисовки Лебедянского уѣзда Иоанна *Добротворцева*. П

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛСТВА.

Объ опредѣленіи, увольненіи и награжденіи священноцерковнослужителей.

По опредѣленіямъ Епархіальнаго Начальства, разрѣшено построенье новыхъ церквей, съ опредѣленіемъ къ нимъ новыхъ причтовъ: 1) въ деревнѣ—Мокромъ Лебедянскаго уѣзда на священническое мѣсто къ сей церкви назначень окончившій курсъ семинаріи воспитанникъ Иванъ *Бляевскій*, а на причетническое перемѣщенъ изъ села Аннина Тамбовскаго уѣзда дьячекъ Василій *Николаевскій*, и затѣмъ въ Аннинѣ 2-я причетническая вакансія, по мало приходству, закрыта. 2) Въ деревнѣ Полянахъ Борисоглѣбскаго уѣзда, на священническое мѣсто къ сей церкви назначень безмѣстный священникъ Александръ *Веселовскій*, на первое причетническое мѣсто временно—низведенный въ причетническую должность діаконъ Василій *Карастелевскій*, а на второе—ученикъ уѣзнаго училища Иванъ *Денисовъ*. 3) Въ деревнѣ Димитріевкѣ Усманскаго уѣзда, на священническое мѣсто назначень студентъ Семинаріи Капитонъ *Ястребовъ*; на причетническое мѣсто—ученикъ уѣзнаго училища Николай *Голубевъ*. 4) Въ деревнѣ Асиновкѣ

Кирсановскаго уѣзда, на священническое мѣсто определенъ священникъ Александръ *Оржевскій*; изъ причетническихъ мѣстъ—на одно перемѣщенъ изъ села Сухой Панды причетникъ Петръ *Лукинъ*, съ закрытіемъ занимаемаго имъ мѣста, а на другое—ученикъ уѣзднаго училища Иванъ *Боголюбовъ*.

По опредѣленіямъ Епархіальнаго Начальства закрыты согласно проекту штатовъ, священнослужительскія мѣста въ слѣдующихъ приходяхъ: 1) въ селѣ Нижнемъ Чуевъ Борисоглѣбскаго уѣзда 2-я священническая вакансія, 1861 года числившаяся за семействомъ священника Зелиякова, по случаю отчисленія отъ сего прихода въ сего году деревни Лихачевки, чрезъ что въ приходѣ Нижняго Чуева на два штата осталось только 1080 душъ и притомъ приходъ зараженъ малаканскою ересью; 2) въ селѣ Карай Салтыковъ Кирсановскаго уѣзда 2-я священническая вакансія, также по малоприходству, по случаю смерти священника того села Павла *Большейскаго*; 3) въ Елатмѣ при Рождество—Богородицкой церкви, діаконская вакансія, по малоприходству,—за смертію діаконской церкви Георгія Дорощеева; 4) въ селѣ Новоселъ Шацкаго уѣзда діаконская вакансія, за смертію діакона Ивана Кроткова; 5) въ селѣ Корневщинѣ Липецкаго уѣзда, за увольненіемъ престарѣлаго діакона Михаила *Германова* заштатъ, по малоприходству.

Въ селѣ Березовкѣ Борисоглѣбскаго уѣзда, за смертію священника Θεодора *Богоявленскаго*, для содержанія многочисленнаго осиротѣвшаго семейства, мѣсто зачислено за онымъ, а исправленіе священнической должности поручено тестю его, заштатному священнику Аѳанасію *Митріеву*.

Въ село Бычки Тамбовскаго уѣзда, на священническую вакансію, со взятіемъ сироты, дочери умершаго тамъ села священника Говорова, назначенъ окончившій курсъ

семинаріи воспитанникъ *Василій Сильгиревъ*.
 Священникъ села Богоявленскаго Погоста Елатомскаго уѣзда, *Алексѣй Гурьевъ*, за ревностное проповѣданіе христіанскаго ученія и заботливость объ украшеніи и благоустройствѣ церкви, по засвидѣтельствванію Благочиннаго, награжденъ набедренникомъ.

III

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1. *Телеграфическое извѣстіе изъ Парижа, полученное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ генералъ-адъютанта графа Адлерберга, 25 мая вечеромъ.*

Божій Промыслъ сохранилъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Сегодня около 5 часовъ по полудни, на возвратномъ пути чрезъ Булонскій паркъ, послѣ военнаго смотра, выстрѣлъ изъ пистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба Императора и Великіе Князья—Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ. Выстрѣлъ, сдѣланный со стороны Императора Наполеона, никого не коснулся, но ранилъ лошадь шталмейстера, сопровождавшаго экипажъ.

Преступникъ былъ немедленно схваченъ и почти разтерзанъ народною толпою. Онъ молодой человекъ, по видимому, французъ. Подлежащія власти, въ руки которыхъ онъ былъ переданъ, производятъ слѣдствіе. Подробности будутъ сообщены, какъ скоро изслѣдованіе ихъ приведетъ въ ближайшую извѣстность.

2. *Телеграфическое извѣстіе изъ Парижа, полученное Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, отъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, 26 мая.*

Преступникъ уроженецъ Волынской губерніи, полякъ,

по фамилии Березовский. Онъ эмигрировалъ 2 года пресимъ, но 20 лѣтъ проживалъ въ Парижѣ. Онъ уже несколько дней искалъ удобнаго случая для покушенія на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Двухствольный пистолетъ его разорвало отъ слишкомъ сильнаго заряда, при этомъ уклонилось и направленіе пули. Березовскій сдѣлалъ полное признаніе, обнаруживая признаки фанатизма.

5. Отъ Русскаго Телеграфнаго Агентства.

Парижъ, 25 мая. Сегодня, въ аллеѣ, близъ Лопни, во время проѣзда Государей съ смотра войскъ, сдѣланъ былъ выстрѣлъ изъ пистолета на первый экипажъ въ которомъ находились ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, Императоръ Наполеонъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Въ слѣдующемъ экипажѣ ѣхалъ Король Прусскій. Злодѣй былъ схваченъ подоспѣвшими гражданами и переданъ отряду ста гвардейцевъ. Повидимому, преступникъ полагается положительно еще его національность не дознана. Въ Парижѣ это покушеніе произвело необыкновенно сильное смущеніе. (Сынъ Отец.)

28 ч. сего Мая, въ Воскресенье, вслѣдствіе сообщенной Гражданскимъ Начальствомъ телеграммы о сохраненіи жизни Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ нашего ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА 25 ч. въ Парижѣ, по окончаніи Литургіи въ Тамбовскомъ Каѳедральномъ Соборѣ былъ совершенъ изъ онаго на городскую площадь торжественно крестный ходъ и отправлено было всѣмъ городскимъ духовенствомъ благодарственное Господу Богомолѣбствіе съ колѣнопреклоненіемъ, при собраніи военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и при многочислен-

номъ стеченіи жителей г. Тамбова. Молитва была единодушная, восторженная.

29 ч. совершено таковое же молебствіе въ Гимназіи.

30 ч. въ 8-мь часовъ—въ желѣзныхъ рядахъ; въ 9-ть часовъ—въ Семинаріи; въ 10-ть часовъ—въ красныхъ рядахъ, и въ 11-ть—въ Градской Думѣ.

31-го числа—на базарной площади.

Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!

ТЕЛЕГРАММЫ ЗАИМСТВОВАННЫЯ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ, № 116.

ПАРИЖЪ, 7-го іюня (26-го мая). Сегодня утромъ

Государь Императоръ, принимая всѣхъ Русскихъ въ Елисейскомъ дворцѣ, сказалъ: „Опять сдѣлано покушеніе на Мою жизнь. Провидѣніе видимо охраняетъ Меня. Но если Его воля призвать Меня, Я готовъ.“ Послѣ приѣма Государь Императоръ отправился въ русскую церковь, и на пути былъ встрѣченъ восторженными, френетическими криками *ура!* Непосредственно вслѣдъ за Его Величествомъ и неожиданно прибыли въ церковь Императоръ и Императрица Французовъ, Король и наслѣдный принцъ Прусскіе и другіе принцы. При выходѣ изъ церкви публика привѣтствовала Его Величество горячими восклицаніями. Съ утра множество Французовъ и иностранцевъ записываются въ Елисейскомъ дворцѣ. Негодованіе противъ покушенія всеобщее.

ПАРИЖЪ, 8-го іюня (27-го мая). Вчера весь Парижъ и его предмѣстья (*banlieue*) были блистательно иллюминированы въ честь Государя Императора, по собственному побужденію жителей. Также были иллюминированы всѣ главные города Франціи. Всѣ городскія общества Франціи прислали къ Государю Императору адреса. Адресы отъ рабо-

чихъ подписываются тысячами. Корпорація адвокатовъ представлялась Государю Императору и протестовала противъ частныхъ польскихъ манифестацій въ Palais de Justice (зданіи судебныхъ установлений). Московскіе купцы имѣя во главѣ г. Солдатенкова, были представлены къ Государю Императору барономъ Будбергомъ. Второе молебствіе въ русской церкви.

ПАРИЖЪ, 8-го іюня (27-го мая.). Подробности. Государь Императоръ выѣзжалъ въ четвергъ вечеромъ въ открытомъ экипажѣ, для посѣщенія Великой Княгини Маріи Николаевны, имѣющей пребываніе въ Grand Hôtel. Публика привѣтствовала Его Величество самыми живыми выраженіями радости. *Всеобщій Мониторъ* напечаталъ первый полученный Государемъ Императоромъ адресъ и рассказываетъ слѣдующее: Наполеонъ III, удостовѣрившись, что ни Государь Императоръ, ни кто-либо изъ Великихъ Князей не раненъ, сказалъ Его Величеству: „Государь, мы были съ Вами вмѣстѣ въ огнѣ“. На что Государь Императоръ отвѣчалъ: „Дни наши въ рукахъ Провидѣнія“. При допросѣ Беречовскаго (Bereczowski) присутствовали министры Руэръ, Барошъ и графъ Шуваловъ. Беречовскій сознался въ намѣреніи покуситься на жизнь Государя Императора. Онъ пытался совершить преступленіе еще одинъ день въѣзда и потомъ во время параднаго спектакля въ Оперѣ; но увѣряетъ, что у него не было соумышленниковъ. При совершеніи покушенія шталмейстеръ Ренбо, пробѣгая между экипажемъ и преступникомъ, заставилъ его отклонить руку въ сторону. Пуля прошла чрезъ беречовскаго лошади Ренбо. Императоръ Наполеонъ тотчасъ же объявилъ публикѣ, что Государь Императоръ и Великіе Князья невредимы. Публика отвѣчала громкими восклицаніями.

БАЛАНСЪ

ТАМБОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.
къ 1-му Мая 1867 года.

	Рубли	Коп.
Касса.	451503	55
Вексели и другія срочныя бумаги .	31129	58
Ссуды подъ залогъ: золота и серебра	1736	40
— Государственныхъ % бумагъ.	400317	60
— Акцій и облигацій	716	—
Счетъ съ Банкомъ	184463	59
Просроченные по ссудамъ	18408	75
% выданные вкладчикамъ съ 1 января		
— 1867 года	12035	81
Платежи по купонамъ: 5% б. би-		
— летовъ	281	25
— билетовъ займа	695	—
— Акцій и облигацій	50	—
Расходы: Отдѣленія	686	42
— По отсылкѣ суммъ	30	—
Проценты засчитанные при приѣмѣ		
4% б. билетовъ	11	95
Процентныя бумаги принадлежа-		
щія Банку	39788	30
БАЛАНСЪ	1141494	20
Капиталъ Банка въ Отдѣленіи . . .	50000	—
Процентныя вклады	1041509	53
Переводные билеты	30439	21
Проценты по операціямъ	16165	92
Переходящія суммы	3379	54
БАЛАНСЪ	1141494	20

Управляющій А. Кулжинскій.

Контролеръ П. Сорокинъ.

БАЛАНСЪ

СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ,

СОСТОЯЩЕЙ ПРИ ТАМБОВСКОМЪ ОТДѢЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА

къ 1-му Мая 1867 года

НАЗВАНІЕ СЧЕТОВЪ.	СУММЫ по движению.		ОСТАТКИ ИЛИ ИТОГИ по счетамъ.	
	Прибавилось по дебету, выдано и списано.	Прибавилось по кредиту, поступило и записано.	по дебету	по кредиту
Счетъ вкладчи- ковъ .	678. 94	665. 1		30197 4
— Государ. — Банка .	665. 1	682 32	30138 66	
— текущих. %	3. 38		10 15	
Расходоура- зныхъ .			48 60	
	1347. 33	1347. 33	30197. 41	30197. 4

Управляющій А. Кулжинскій.

Контролеръ П. Сорокинъ.

О ПРОДАЖѢ КНИГЪ.

Продается *Библиографическое изслѣдованіе о двуперстіи*, въ которомъ разсмотрѣно *Теодоритово слово*, неосновательно признаваемое за основаніе ученію о *двуперстіи*. Книга весьма необходимая для всѣхъ тѣхъ, коихъ занимаетъ этотъ предметъ. Цѣна съ пересылкою 1 р. 20 к. Адресъ: „Московской, Параскевievской, въ Охотномъ ряду, Церкви Священнику „Іоанну Виноградову,“—или: „Настоятелю Коломенскаго Троицкаго Новоголутвина Монастыря Архимандриту Тихону“, въ Коломну.

Для матерей, молящихся съ дѣтьми своими, для *Наставницъ* и для *Законоучителей* весьма полезная книжечка: „Переводъ на русскій языкъ употребительныхъ молитвъ,“ съ объясненіемъ отдѣльныхъ словъ и выраженій и изъяснительнымъ изложеніемъ цѣлаго состава.“—Ц. 15. к. Адресъ: въ г. *Одессу*, Законоучителю Гимназіи Отцу Мартирію Чменѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

МАРТОВСКОЙ КНИЖКИ ЖУРНАЛА «ТРУДОВЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ».

- I. О чинопослѣдованіяхъ принятія неправославныхъ христіанъ въ православную церковь *А. Серафимова*.
- II. Соображенія о преобразованіи епархіальныхъ учебныхъ заведеній.
- III. Слово на пассію первой недѣли поста. *В. Пивницкаго*.
- IV. Слово на вторую пассію. *Пв. Малышевскаго*.
- V. Преосвященнаго Ириней Фальковскаго бесѣда въ день

Благовѣщенія Богородицы и въ субботу Лазареву, ма
та 25 дня, 1811 года. *Н. Щеголева.*

VI. Творенія блаженнаго Іеронима. (Перев. съ лат.),

Редакторъ: Ректоръ Семпнаріи Архимандритъ Геннадій.

Съ дозволенія цензуры. 1 Іюня 1867 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улѣ

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

ЮНЯ

№ 11.

1867 ГОДА.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

○

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Огюста Николя.

VI.

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ И О НЕБЪ.

«Философія, при самыхъ высшихъ усиліяхъ своихъ, едва могла, и то слабымъ образомъ, возбуждать желаніе и надежду и много—что указать вѣроятность будущей жизни; поэтому только Божественному Откровенію принадлежитъ честь твердой вѣры въ существованіе грядущей жизни и опредѣленныхъ понятій о состояніи той невидимой области, которой предопредѣлено служить жилищемъ для душъ человѣческихъ по разлученіи ихъ съ тѣломъ.» (*)

Таковъ послѣдній выводъ, который извлеченъ врагомъ христіанства изъ естественнаго безилія разума человѣческаго дойти до несомнѣнной увѣ-

(*) Gibbon, Histoire de la décadence de l'emp. romain, t.

III, p. 42.

T. I.

ренности въ существованіе будущей жизни, и въ частности—изъ бесплодности покушеній древней философіи относительно этого предмета.

Тутъ представляется очень любопытный предметъ для глубокаго размышленія и твердое доказательство въ пользу Божественнаго достоинства Религіи, которая успѣла утвердить въ умахъ и сердцахъ людей искреннее убѣжденіе относительно будущей жизни и сообщить понятія о ней, такіе разумныя, чистыя и возвышенныя, какихъ прежде никто не могъ себѣ и вообразить.

Размышленіе объ этомъ важномъ предметѣ стоитъ того, чтобы заняться имъ со все́мъ вниманіемъ.

Здѣсь естественно представляются два вопроса:

1) Дѣйствительно ли назначена для души другая жизнь, и 2) въ чемъ состоитъ эта другая жизнь?

А.

Чтобы изъ того общаго капитала понятій и истинъ о семъ предметѣ,—капитала, который принадлежитъ Религіи Христіанской обще съ разумомъ человѣческимъ,—правильнымъ образомъ выдѣлать то, что собственно принадлежитъ на ея долю, надобно продолжить тотъ же процессъ, который мы вели доселѣ, т. е. рассмотреть то, что успѣлъ добыть относительно этого предмета разумъ человѣческій до пришествія Іисуса Христа и сравнить съ тѣмъ, что сказало о немъ Христіанство.

Безъ сомнѣнія, безсмертіе души есть одна изъ тѣхъ первобытныхъ истинъ, о которыхъ всегда говоритъ всеобщій инстинктъ, и на который самъ разумъ отъ себя представляетъ доказатель-

ства. Съ своей стороны думаемъ, что у насъ представлены рѣшительныя доказательства этой истины въ трактатѣ, гдѣ мы съ умственной точки зрѣнія разсуждали о безсмертіи души. Прибавимъ въ этому, что эта истина—не чисто созерцательная, но по своей сущности и по слѣдствіямъ, изъ нея вытекающимъ, служить однимъ изъ самыхъ положительныхъ и самыхъ жизненныхъ основанийъ обществъ человѣческихъ.

Отъ чего, однакожь, зависитъ, что у того же разума человѣческаго, который теперь такъ основательно доказываетъ эту истину, и у того же сердца человѣческаго, которое теперь такъ твердо вѣруетъ въ нее и крѣпко прилѣпляется къ ней, прежде пришествія Иисуса Христа были только неопредѣленные понятія о ней и неуловимыя предчувствія? Отъ чего зависитъ, что разумъ самыхъ глубокихъ метафизиковъ, поднявшись до высоты самыхъ высшихъ соображеній о семъ предметѣ, зананчивалъ свои усилія тѣмъ, что терялся въ сомнѣніяхъ, а цѣлыя массы народовъ, подобно стаду презрѣнныхъ животныхъ, отходили въ страну смерти, не поднимая къ небу того послѣдняго, полного упованія, взгляда, съ какимъ въ наше время обращается къ этому отечественному берегу умирающій самой низкой доли?

Нужда въ этомъ вѣрованіи всегда была одинакова для обществъ человѣческихъ; сила разума человѣческаго сама въ себѣ была также равновѣсна; и никогда человѣчество само по себѣ не выставлялось въ болѣе благородномъ видѣ, какъ въ трудахъ такихъ геніальныхъ людей, каковы—Платонъ, Сократъ, Цицеронъ и др. Отъ чего же зависитъ, что человѣкъ до пришествія Иисуса Хри-

ста не могъ понять и овладѣть этою истиною столько, сколько послѣ того?

Необходимымъ представляется всякому, кто только съ умысломъ не закрываетъ глаза отъ свѣта, признать то, что, должно быть, Иисусомъ Христомъ привнесены новыя стихіи этой истины *вышечеловѣческія*, новый основной капиталъ понятій *сверхъестественныхъ* и *Божественныхъ*, и что на основаніи этихъ то стихій и капитала позднѣе разумъ *человѣческой* сталъ утверждать и развивать свои доказательства этой истины, а сердце свою увѣренность въ ней.

Необходимо допустить, что истина безсмертія души по самому свойству своему не терпѣла отягощенности, когда она во всѣ времена поднималась вопреки всѣхъ заблужденій разума *человѣческаго*. Конечно, если бы можно было безъ нея обходиться, то было бы время и мѣсто, гдѣ и когда она терпѣлась бы. Но, не имѣя возможности когда либо освободиться отъ нея, разумъ *человѣческой*, устранимый отъ наученія откровеннаго, могъ, по отношенію къ этой истинѣ, впасть въ нѣкотораго рода сумерки, непозволявшія ему ни познать ее съ полнымъ убѣжденіемъ, ни всецѣло потерять ее изъ виду.—Таково было состояніе разума *человѣческаго* до пришествія Иисуса Христа.

Конечно, мы приводили мнѣніе Платона въ концѣ трактата *о безсмертіи души*, гдѣ онъ говоритъ, что *надобно потерять здравый смыслъ, чтобы отрицать эту истину*. Но замѣьте также, въ какомъ основаніи такъ рѣшительно говоритъ онъ «это несомнѣнно, хотя доказываніе этой истины требуетъ долгихъ разсужденій; и надобно вѣрить этимъ вещамъ на основаніи довѣрія къ законамъ».

дателямъ и древнимъ преданіямъ.» (*)

Сократъ, умершій какъ мученикъ своихъ вѣ-
 рованій, и о которомъ разсказываютъ, что онъ съ
 роковою чашею въ рукъ разсуждалъ о будущей
 жизни въ ту минуту, какъ подходилъ къ ея прагу,
 Сократъ, съ живостію повторивши свои философ-
 скія мысли объ этомъ важнѣйшемъ предметъ,
 сказалъ своему собесѣднику: «безъ сомнѣнія, ты
 смотришь на эти разсказы, какъ на бредъ выжившей
 изъ ума старухи, и презираешь ихъ. Я и самъ прези-
 ралъ бы ихъ, если бъ мы своими изслѣдованіями
 дошли до чего нибудь болѣе здраваго и болѣе не-
 сомнѣннаго.» И такъ основаніе его убѣжденія за-
 ключается только въ недостатокъ лучшаго. Этотъ
 то великій философъ имѣлъ настолько силы ума,
 что сознавалъ его слабость и часто высказывался:
 «стыдно намъ, когда у насъ нѣтъ ничего, кромѣ
 самонадѣянности и тщеславія. Наши мнѣнія отно-
 сительно великихъ интересовъ жизни непрестанно
 мѣняются, и каждая изъ нашихъ системъ увели-
 чиваетъ наше невѣдѣніе.» (**)

«Надобно однакожь, и при помощи доставшихся на долю нашу облом-
 ковъ истины, какъ на ладьи, пускаться въ бурное
 море жизни, пока не будетъ дано намъ болѣе вѣр-
 ное средство, какъ *нѣкоторое обѣщаніе Божествен-
 ное, нѣкоторое откровеніе*, имѣющее служить для
 насъ кораблемъ, которому не страшны бури.» (***)

Послѣ этого смиреннаго и основательнаго при-
 знанія Сократа, можно ли безъ сожалѣнія встрѣ-
 чать притязанія тѣхъ случайныхъ умниковъ, кото-
 рые думаютъ добиться званія *философа* не ина-

*) Смотр. Т. 1 Философ. разм. кн. 1. въ концѣ гл. III.

(**) Gorgias.

(***) Phedon.

че, какъ злоумышленными происками противъ того самаго *откровенія*, на которое Сократъ считалъ необходимымъ ссылаться во всей своей философіи. И не этихъ ли умниковъ описывалъ Цицеронъ въ своихъ предшественникахъ, называя ихъ *философами-ребятишками*, или, въ другомъ мѣстѣ, *философшиками* (*philosophunculos*)?

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ также признаніе въ своей слабости относительно истины безсмертія души, этотъ великій мыслитель пользуется тѣмъ же выраженіемъ. Цицеронъ вѣрилъ въ безсмертіе души и вѣрилъ твердо, но настолько, насколько такое *твердое вѣрованіе* можетъ быть усвоено разуму человѣческому до пришествія Христа. Въ его *трактатъ о старости* читайте, что онъ говоритъ о будущей жизни: «можно ли найти что нибудь болѣе убѣдительнаго и болѣе увлекательнаго?... Не для постоянного обитанія поставила насъ природа съ семь мірѣ, но назначила только переходную квартиру. О, какъ вожделѣнно то время, когда я отправлюсь въ то небесное общество, въ то божественное собраніе душъ, когда я удалюсь отъ этой толпы, отъ этой земной грязной жизни! Этимъ то чаяніемъ я обязанъ тѣмъ, что вызываетъ у васъ удивленіе и проч.» Все это, безъ сомнѣнія, твердо и прекрасно, но переверотите страницу и читайте на концѣ. «Если я *нахожусь въ заблужденіи*, вѣруя въ безсмертіе души, съ удовольствіемъ *осталось въ этомъ заблужденіи*.... Если я умру *всецѣло*, какъ думаютъ нѣкоторые философы—мальчишки (*minuti philosophi*), въ такомъ случаѣ ничего не буду чувствовать.... *Даже если бы мы были безсмертны*, и за всеѣмъ тѣмъ для человѣка желательно покончить съ настоящею жизнью и

проч.»
 О, какъ слабъ естественный разумъ человѣ-
 ческій, и какъ Сократъ былъ правъ, сознаваясь
 въ этой слабости! Впрочемъ и Цицеронъ, подобно
 ему, доходитъ до признанія необходимости Боже-
 ственной помощи. «Какое же изъ всѣхъ этихъ мнѣ-
 ній (о душѣ) справедливо? На это отвѣчать могъ
 бы одинъ Богъ; а что касается до насъ—всѣхъ лю-
 дей,—то великое уже дѣло, если мы выберемъ изъ
 нихъ наиболѣе правдоподобное.» (*) Дѣйствительно,
 это дѣло такъ велико, что самъ Цицеронъ, послѣ
 всѣхъ своихъ разсужденій, написанныхъ въ пользу
 ученія о безсмертіи души, вполне отрекается отъ
 этого ученія въ судебной рѣчи, сказанной имъ въ
 защиту Клуциція, и наконецъ въ своихъ письмахъ,
 гдѣ говорило сердце, онъ писалъ: «Если я буду
 (и по смерти) жить, ничто не будетъ мучить, если
 я живу безупречно, а если прекратится мое бытіе,
 то мною погибнетъ всякое чувство.» (**)

Такъ какъ сущность первоначальнаго открове-
 нія болѣе и болѣе оскудѣвала въ древнемъ обще-
 ствѣ; то отсюда произошло то, что, какъ пере-

(*) Harum sententiarum quae vera sit, Deus aliquis vi-
 derit: quae verisimillima magna quaestio est. (Tuscul.
 Quoest. L. 1)

(**) Dum ero, ungar nulla re, quum omni vacem culpa;
 Asi non ero, sensu omnino carebo. (Epist. VI. 3). Но-
 вѣйшіе рационалисты едвали не дальше зашли отно-
 сительно этого вопроса, который Жуффруа, въ своемъ
 предисловіи къ Dugalt Stewards, называетъ *прежде-*
временнымъ, и о которомъ Кузенъ высказывается очень
 неопредѣленно и двусмысленно (смот. Considerations
 sur les doctrines religieuses de M. Cousin, par V. Gio-
 berti.)

даетъ Ювеналь, на ученіе о безсмертіи души стали смотрѣть, какъ на отжившее мнѣніе, которымъ забавляются дѣти, и которое только изъ души Тацита, въ припадкѣ скорби сердечной, вызвало еще послѣдній вздохъ этого вѣрованія: «Если есть какое убѣжище для душъ людей добродѣтельныхъ; если, какъ утѣшительно думали мудрецы, вмѣстѣ съ тѣломъ не умираютъ великія души; то и ты, Агрикола, усни спокойно.» (*)

Но и для самыхъ мудрецовъ, на которыхъ ссылается Тацитъ, это вѣрованіе служило не больше, какъ предметомъ одного только созерцанія. «Система столь отвлеченная и далекая отъ чувствъ и опыта всѣхъ людей, говоритъ Гиббонъ, могла пріятно занимать досугъ философа; быть можетъ въ тишинѣ уединенія это утѣшительное ученіе приносило иногда унывающей добродѣтели лучъ надежды, но слабое впечатлѣніе, производимое имъ въ школахъ, скоро терялось среди безпечности и тревогъ дѣйствительной жизни. Мы очень знаемъ дѣла, нравственные характеры и побужденія знаменитыхъ личностей, процвѣтавшихъ во времена Цицерона и первыхъ Кесарей, и съ увѣренностію говоримъ, что ихъ поведеніе въ настоящей жизни никогда не было направляемо какимъ нибудь твердымъ убѣжденіемъ относительно награды и наказаній въ будущей жизни.» (**)

Однакожь обратите вниманіе на силу истины.

(*) Si quis piorum manibus locus; si, ut sapientibus placet, non cum corpore extinguuntur magnae animae, placide quiescas. (Vit. Agricol, XLVI.) Одинъ Ювеналъ еще стоялъ противъ этого открыто: sed tu vera puta.

(**) Histoire de la decad. de l'empir. rom. t. III, p. 41.

Истинтъ нашего безсмертія не пробивался, быть можетъ, никогда съ большею силою и живостію, какъ въ эти мрачныя времена всеобщаго заблужденія; истина не погибла, ее извращаютъ, обезображиваютъ, искажаютъ; но ея сущность не поддается никакимъ насиліямъ и прорывается наперекоръ всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ и даже чрезъ самыя эти злоупотребленія заявляетъ себя, подобно запруженной рѣкѣ, которая хотя выступаетъ изъ своего русла, но тѣмъ не менѣе протекаетъ по полямъ.

Всѣ народы языческіе неповѣдуютъ безсмертіе души въ многочисленныхъ обычаяхъ, варавскихъ и евѣрныхъ. Почитаніе людей умершихъ почти всюду составляло сущность идолопоклонства: ибо всѣ люди приносили жертвы тѣнямъ умершихъ, — этимъ *his manibus*, т. е. душамъ умершихъ. Въ этомъ отношеніи доходили до такой крайности, что приносили имъ въ жертву людей живыхъ; убивали рабовъ съ тою цѣлію, чтобы препроводить ихъ для услугъ умершимъ господамъ ихъ въ загробной жизни. — Что касается людей лучшихъ, то они хотя и вдавались въ эти крайности, но тѣмъ не менѣе платили дань этой истинѣ, вмѣсто истиннаго и существеннаго безсмертія души преслѣдуя его призракъ, называемый славою. Это былъ у нихъ главный идолъ; и, по истинѣ, достойно примѣчанія то, что развитіе этой страсти опредѣляется прямымъ отношеніемъ упадка вѣрованія въ будущую жизнь, подобно тѣнямъ земныхъ тѣлъ, удлиняющимся, какъ извѣстно, по мѣрѣ того какъ солнце понижается къ горизонту.

Раскрывайте на удачу сочиненія ораторовъ и

Философовъ, начиная со временъ первыхъ Кесарей такъ какъ въ эту пору, по показаніямъ Гиббона почти всецѣло потеряно было вѣрованіе въ будущую жизнь,—и вы почти на каждой страницѣ увидите слово: *безсмертіе*. Жить въ потомствѣ было главною заботою высокихъ личностей. Къ этой цѣли онѣ направляли все свои дѣйствія; ставляли себя предъ будущими поколѣніями, какъ актеры на сценѣ. Цицеронъ непрестанно питаетъ свое тщеславіе этимъ дымомъ и преждевременно самъ себя назначаетъ будущія оваціи. Его душа жаждущая славы, изливается въ созерцаніи этого будущаго, какъ бы въ другой жизни; онъ говоритъ объ этомъ, какъ о чемъ то дѣйствительномъ: это его небо. Послушайте: «Во всѣхъ душахъ возвышенныхъ есть какая то внутренняя сила, день и ночь не дающая имъ покоя возбужденіями къ славѣ, нѣкое предчувствіе, предсказывающее имъ что наше будущее не должно погибнуть вмѣстѣ съ нами, а должно расширяться и постоянно продолжаться во все вѣка. Какъ, мы все—жертвы обреченныя на защиту республики,—унизимся до того, что еще станемъ увѣрять себя, будто, проведши жизнь, не имѣвшую ни минуты покоя и отдохновенія, мы должны погибнуть всецѣло? Что касается до меня, то я, Римляне, выполняя это дѣло, увѣренъ, что съ этой минуты память о немъ распространится по всей землѣ и по всему пространству вѣковъ: и будетъ ли чувство этого безсмертія вмѣстѣ со мною поглощено могилою? Или, какъ думали все мудрецы, отъ насъ должна остаться та которая часть, способная наслаждаться имъ,—крайней мѣрѣ теперь никто не можетъ отнять меня этой мысли, составляющей для меня отраду»

и воздаяніе.» (*) Для нашихъ христіанскихъ нравовъ какъ оскорбительны это чванство языческой суетности, эта надменность и самопрославленіе самолюбія! (**)

По мѣрѣ того, какъ проходимъ далѣе по теченію этого вѣка, эта странность духа человѣческаго замѣтно расширяется и усиливается. Въ Плиніи Младшемъ она достигаетъ своего высшаго развитія. У него видимъ, что ученіе о земномъ безсмертіи, выражаемое на каждой страницѣ, уже просто наивная болтовня и самое простосердечное предъявленіе обязательствъ, написанныхъ на счетъ потомства. «Что до меня, говоритъ онъ, то меня ничто столько не трогаетъ, какъ долговременная извѣстность; она, по моему мнѣнію, болѣе всего достойна человѣка. Я не знаю ничего болѣе славаго, какъ обезпечивать безсмертіе за тѣми, кто по своимъ заслугамъ достоинъ жить всегда, и увѣковѣчивать славу другихъ вмѣстѣ съ своею. Поэтому я ночь и день думаю о томъ, какимъ бы

(*) Orat. pro Archia.

(**) Здѣсь кстати припомнить одно обстоятельство, имѣвшее мѣсто при смерти знаменитаго Боссюэта. «Когда всѣ присутствующіе были увѣрены, что Боссюэту остается только испустить послѣднее дыханіе; тогда племянникъ его, аббатъ Боссюэтъ бросился на землю у его постели, прося его благословенія. Присутствовавшіе при этой плачевной сценѣ также поверглись на землю. Боссюэтъ, полный духа Божія, говорилъ мало, но съ благочестивымъ назиданіемъ.—Въ то время аббатъ Ледье выразилъ ему свою глубокую благодарность за всѣ его благодѣянія и просилъ его вспомнить иногда о друзьяхъ, оставляемыхъ имъ на землѣ, которые были столько преданы его особѣ и

способомъ мнѣ найти возможность подняться съ земли.» (*) За тѣмъ, рассказывая о поступкѣ Аппія и Петуса, онъ говоритъ: «Безъ сомнѣнія, очень великое дѣло совершила она предъ смертію; сколько мужества—взять кинжалъ, вонзить его въ свою грудь и, вынувъ весь окровавленный, подать его своему мужу, съ такими высокими словами: «Любезный Петусъ, этимъ не сдѣлано зла...» (**). Но послѣ всего, она поддержана была славою и безсмертіемъ въ эту минуту носившимися предъ ея глазами.

Особенно одно письмо Плинія поражаетъ насъ тою религіозною бѣдностію, которая сама не можетъ найдтись, чѣмъ бы наполнить бездну, ея самую изрытую. Поговоривши нѣсколько о происшествіяхъ своей юности, онъ продолжаетъ такъ: «о всемъ этомъ я не могу вспоминать, не поражаясь мрачными мыслями о бѣдности человѣческой, ибо можно ли вообразить себѣ что либо столь краткое и ограниченное, что было бы меньше самой продолжительной жизни человѣческой? Представляется ли вамъ, что Неронъ царствовалъ не больше, какъ одинъ день? Между тѣмъ и всѣхъ, кто при немъ исполняли должность к...

его славѣ. При словѣ: *слава*, Боссюэтъ, вступая въ могилу, уже чуждый для земли, объятый свѣтлым страхомъ предъ лицомъ Высочайшаго Судіи, отъ котораго ожидалъ приговора, приподнялся до половины на своемъ болѣзненномъ одрѣ, и одушевленный съ такимъ негодованіемъ нашель въ себѣ силу раздѣлать сказать слѣдующія слова: *оставьте эти ррчи. Мое тель за меня Богу о прощеніи моихъ грѣховъ...* (Hist. Boss. t. IV, p. 405).

(*) Lib. V, 8.

(**) Lib. III, 16.

сильскую, не осталось ни одного... Дни, отсчитанные для этого безконечнаго множества людей, разсыянныхъ на землѣ, такъ малозначительны, что дороже цѣню тѣ слезы, которыя знаменитый государь, при взглядѣ на свою армію, проливалъ о столькихъ тысячахъ людей, имѣвшихъ скоро погибнуть.... Ужели эта мысль не сильна на столько, чтобы побудить насъ употребить съ пользою это ничтожное число минутъ, ускользающихъ отъ насъ такъ скоро?!»—По нашимъ христіанскимъ понятіямъ выраженіе—*употребить съ пользою*—означало бы дѣлать добро, собирать себѣ сокровище добрыхъ дѣлъ, приобрѣтать себѣ заслугу, стремиться къ нравственному совершенству... Но Плиній продолжаетъ такъ: «если мы не можемъ употребить (эти минуты) на дѣла блестящія, которыя судьба не всегда уступаетъ нашей готовности, посвятимъ ихъ по крайней мѣрѣ ученію. Если не въ нашей власти жить долго, по крайней мѣрѣ позволимъ себѣ такія дѣла, по которымъ не придетъ въ забвеніе то, что мы жили. Какъ благородно усердіе двухъ друзей, которые взаимнымъ собесѣдованіемъ болѣе* болѣе воспитываютъ въ себѣ любовь къ безсмертію...» (*)

Какая бѣдность, какая пустота! А вмѣстѣ съ тѣмъ какъ это доказываетъ и слѣпую силу чувства нашего безсмертія и собственную неспособность разума человѣческаго указать ему вѣрный исходъ. (**)

(*) Lib. III, 7.

(**) Впрочемъ, если Плиній не вѣруетъ въ будущую жизнь, за то онъ слишкомъ вѣруетъ въ *мертвецовъ* и *колдуновъ*. „Этотъ предметъ достоинъ глубокаго размышленія,“

Самая религія Іудейская, столько возвышавшаяся надъ другими своимъ ученіемъ о единомъ Богѣ, кажется, далеко была назади относительно ученія о *безсмертіи души*. Какъ мать, всецѣло занятая грядущимъ Искупителемъ, котораго ей надлежало родить міру, она отлагаетъ все свои радости, все свои надежды до времени исполненія своихъ чаяній, и только чрезъ Него, чрезъ Его заслуги и благословенія она смотрѣла на входъ чело­вѣка въ царство небесное. Такое ожиданіе вполне согласно съ планомъ Христіанства. Дѣйствительно, между народомъ Іудейскимъ и прочими народами земли во времена ветхозавѣтныхъ достопримѣчательна эта разность, что послѣдніе являлись исповѣдывають вѣрованіе свое въ безсмертіе души, а первый воздерживается отъ всякаго открытаго засвидѣтельствванія относительно этого предмета и надежду на будущую жизнь хранитъ въ самомъ себѣ, какъ въ ея зародышѣ. Но, съ другой стороны, у всѣхъ прочихъ народовъ вѣрованіе въ безсмертіе души, съ утратою просвѣщенія и руководства свыше, уклонилось отъ своей цѣли,—изъ него выродились суевѣрія дѣтскія, или жестокія, изъ него главнымъ образомъ получило начало своего идолопоклонства, которое поддерживалось и питалось преимущественно насчетъ вѣры въ единого Бога; между тѣмъ какъ въ народъ Іудейскомъ вѣрованіе въ безсмертіе спаслось отъ всѣхъ означенныхъ заблужденій. Причиною этого было то имен-

говоритъ онъ, передавая два разсказа о мертвецахъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и въ помощь себе призываетъ всю ученость своего корреспондента, чтобы онъ избавилъ его отъ смущенія.

то, что истина безсмертія неразрывно соединялась
 нихъ съ ученіемъ о грядущемъ Искупителѣ, съ
 пришествіемъ Котораго ей надлежало получить
 полное развитіе, вмѣстѣ съ осуществленіемъ всѣхъ
 надеждъ и чаяній истинныхъ сыновъ Израиля и
 съ откровеніемъ всѣхъ истинъ, остававшихся до-
 томъ подъ печатію завѣщанія (завѣтъ), вскрыть
 которую могла только смерть одного Искупителя. (*)

Въ семъ отношеніи доходили даже до мысли, будто
 Іудеи вѣровали въ уничтоженіе души, и въ основаніе
 такого мнѣнія ссылались на мѣсто Екклезіаста, гдѣ
 онъ говоритъ, что *человѣкъ умираетъ, какъ животное,*
и участь ихъ одинакова. Но кромѣ того, что против-
 ное доказывается множествомъ другихъ мѣстъ, кото-
 рыхъ приодвигъ здѣсь было бы слишкомъ долго, раз-
 сматриваемое мѣсто само себя объясняетъ въ надле-
 жащемъ смыслѣ; въ связи и цѣлости оно читается
 такъ: «я видѣлъ нечестіе на мѣстѣ суда и нечестіе
 на мѣстѣ правосудія; и сказалъ въ сердцѣ моемъ:
Богъ разсудитъ праведнаго и нечестиваго, и тогда будетъ
время всякой вещи. И сказалъ я въ сердцѣ моемъ: толь-
 ко для испытанія сыновъ человѣческихъ Богъ попу-
 скаетъ имъ казаться подобными скотамъ. Поэтому
 люди умираютъ, какъ скоты и участь ихъ подобна...
 Кто знаетъ, восходитъ ли на высоту дыханіе сыновъ
 Адамовыхъ, и нисходитъ вливъ землю дыханіе ско-
 товъ и проч?»—Впрочемъ Вольтеръ, одинъ изъ самыхъ
 запальчивыхъ противниковъ Іудеевъ, не щадившій ихъ
 отъ подобнаго обвиненія, самъ же и разрушаетъ его
 вполне, когда возвращаясь къ справедливости и здра-
 вому смыслу, переводитъ означенное мѣсто такъ:
 «Кто изъ людей, при помощи своего собственнаго
 разума, узнаетъ, разрушается ли всецѣло душа наша
 съ тѣломъ, когда мы исчезаемъ въ вѣчной но-
 чи; продолжается ли еще наша жизнь, или во все

И такъ, въ заключеніе можемъ сказать съ вами Вольтера: «Совершенно очевидно и ясно доказано, что мы имѣемъ нужду въ откровеніи нашего вразумленія относительно сего столь важнаго предмета. Тутъ недостаточно было ни Сократа, ни Платона, ни даже Моисея: для насъ нуженъ былъ въ семъ дѣлѣ Учитель высочайшій»

Съ пришествіемъ Иисуса Христа догматъ о безсмертіи души былъ утвержденъ непоколебимо. Емудному предоставлено было вывести эту истину изъ той темноты, какою она была окружена у народа Іудейскаго, и съ тѣхъ путей суевѣрія, которые низвели ее другіе заблудшіе народы. Онъ уничтожилъ всякое сомнѣніе относительно нея, и вмѣсто того поставилъ достовѣрность. Не

разрушается?», За тѣмъ въ примѣчаніи прибавляетъ: «Это мысль Екклезіаста. Человѣкъ самъ по себѣ ничего ни знаетъ; для него нужна вѣра.» (Précis en vers de l' Ecclesiaste). Въ другомъ мѣстѣ Вольтеръ очевидно разсудительно говоритъ: «о безсмертіи души вы дѣлаете наведеніе столько же замысловатое, какъ правдоподобное, на основаніи извѣстныхъ словъ: *сотвори Богъ человека по образу своему*. Ибо говоритъ не въ тѣлѣ образъ Божій, а въ душѣ. Мы вѣримъ этой истинѣ, но она не выражена въ текстѣ. Если писатель книги Бытія соизволилъ вывести то же мое слѣдствіе; тогда онъ, очевидно, утвердилъ этотъ догматъ непререкаемо. А такъ какъ онъ это точно не сдѣлалъ, то мы въ правѣ сказать, что онъ предоставлялъ ее тому времени, когда эта великая истина имѣла быть возвѣщена *несравненно бошимъ, чѣмъ онъ, учителемъ.*» Voltaire, Un chrétien contre six Juifs, edit. Beuchot, t.LVII, p. 513).

(*) Voltaire, Un chrétien contre six Juifs p. 518.

приключилось и разверзлось для нисшествія Искушителя на землю: Жизнь вечная, которая была у Отца, и явилась намъ подъ покровомъ нашего смертнаго естества, пострадавши и умерши въ томъ же ествѣ, изъ гроба опять явилась намъ прославленною; и возвращаясь къ Отцу, Она возшла на небо только для того, чтобы держать его отверстымъ надъ нашими головами и пролагать намъ путь, туда же приводящій и насъ.

Говорилъ ли кто когда о будущей жизни въ такихъ положительныхъ и точныхъ выраженіяхъ, какъ Христіанство? Сообщалъ ли кто когда либо объ этомъ догматѣ понятія столь твердыя и рѣшительныя? Это сама дѣйствительная истина по превосходству; выслушайте внимательно: «царство небесное подобно сокровищу, скрытому на полѣ, которое найдя челоѣкъ утаилъ, и отъ радости о немъ идетъ и продаетъ все, что имѣеть, и покупаетъ поле то».—Всѣ сокровища міра сего и весь міръ предъ этимъ сокровищемъ не больше, какъ тѣни скоропреходящія. «Какая польза челоѣку, если оиъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Не колеблись! если рука твоя, или нога твоя соблазняютъ тебя, отсѣки ихъ, и брось себя: ибо лучше тебѣ войти въ жизнь безъ руки, или безъ ноги, нежели, имѣя ихъ по двѣ, быть ввержену въ геенну огненную.»

Какая выразительная и непоколебимая увѣренность! и кто могъ внушить ее, кромѣ самой Истины? Пусть сколько угодно, обзываютъ это фанатизмомъ, но по крайней мѣрѣ пусть же согласятся въ томъ, что если это говоритъ истина, то она иначе не могла выражаться, и что поэтому уже есть

твердое основаніе вѣрять, что это истина. Предположимъ, что обитатель неба сошелъ на нашу бѣдную землю и, изумленный нашими страстными привязанностями къ тлѣннымъ благамъ настоящей жизни и всецѣлымъ забвеніемъ о благахъ вѣчныхъ, рѣшился излѣчить насъ отъ этого тѣлеснаго презрѣнія къ небесному, могъ ли бы онъ говорить иначе?...

Таковъ языкъ Христіанства, языкъ убѣжденія, подобнаго которому никогда не бывало, языкъ увѣренности и несомнѣнной вѣры; *ибо Іисусъ Христосъ проповѣдуемый нами, говоритъ Св. Апостоль, не былъ да и нѣтъ, но въ Немъ было да.* (1 Кор. 1, 19)

Но мы уже видѣли, что убѣжденіе и вѣра относительно этого предмета не были плодомъ усилій человѣческихъ. Человѣкъ иногда на минуту поднимался до этого состоянія, но какъ бы для того только, чтобы послѣ низринуться въ бездну сомнѣнія и унынія, въ *да и нѣтъ*. Слѣдственно, ученіе которое стоитъ такъ твердо и, не довольствуясь убѣжденіемъ, *предписываетъ* сердцу человѣческому вѣру, надежду и обязываетъ спастись нѣкоторымъ образомъ противъ воли; такое ученіе вѣрно по самому существованію своему.—Оно могло быть внушено только самою Истиною, самою Любовію. Это — мать, желающая исторгнуть дитя свое изъ явной погибели, которой оно не замѣчаетъ.

Подъ вліяніемъ этого ученія, въ высшей степени положительнаго, Царство небесное стало общимъ наслѣдіемъ людей; вѣра вложила дипломъ на него въ руки cadaго изъ нихъ; и чувство нашего безсмертія, просвѣщенное и успокоенное, сдѣлалось

бы понятнымъ для собственнаго нашего разума. Это мы лучше увидимъ, когда изслѣдуемъ предметъ будущей жизни.

Б.

1. «О, вы, рассказывающіе мнѣ объ утѣхахъ райа, говорилъ одинъ философъ Персидскій; не рай пишу я, но Того, Кто сотворилъ рай.» (*)

Это изреченіе настолько выше всѣхъ ходячихъ между людьми понятій о будущей жизни, что едва можемъ вѣрить, чтобы оно не было какимъ нибудь плодомъ внушеній одной истинной Религіи, ученію которой оно соотвѣтствуетъ. — Ни одна религія на землѣ, никакая кромѣ Христіанства, не имѣла даже помысла въ себѣ представлять человѣку самаго Бога, какъ награду, какъ пищу, какъ небо; и не высказывала отъ лица самаго Бога такого изумительнаго обѣтованія, каково слѣдующее: *Я буду твоею наградою.* — Тутъ былъ гордый узелъ нашего безсмертія. Одно Христіанство развязало его.

Какъ только дано было это рѣшеніе, всѣ способности и силы нашего духа признали въ немъ необходимую истину, которая изъясняетъ и показываетъ догматъ нашего безсмертія, съ точнымъ опредѣленіемъ его предмета.

Что проще и очевиднѣе этого? Ненасытная жажда знанія и любви неотступно требуетъ предмета безпредѣльнаго и высочайше совершеннаго, безпредѣльнаго и высочайше совершеннаго нѣтъ ничего, кромѣ Бога. Поэтому въ одномъ Богѣ долженъ быть конецъ всѣмъ стремленіямъ и потребностямъ нашего духа; и блаженное соединеніе съ

*) Voyages de Chardin, t. V.

Нимъ нашею наградою. Однакожь эта идея никогда не приходила людямъ въ голову, и отъ нея весьма далеко то, какаго они искали неба.

Всѣ истины христіанскія такого свойства, что онѣ въ высшей степени просты и строго логичны, и въ то же время невообразимы для человѣка, пока ему не будутъ сообщены. Это отличительная особенность Божественныхъ истинъ. Поэтому свойству истина безсмертія души неизбѣжно ускользала отъ человѣка; ибо она сама собою предполагаетъ истинное познаніе о Богѣ, которое раскрыто для человѣка въ одномъ Христіанствѣ, какъ это мы видѣли уже, и еще увидимъ лучше, когда будемъ говорить объ искупленіи.

И такъ, ученіе о безсмертіи души было у древнихъ загадочно, сомнительно и недѣйствительно отъ того, что не знали его истиннаго предмета. Къ вѣрованію въ безсмертіе влекла врожденная нашей природѣ потребность въ немъ; но такъ какъ, во всемъ тѣмъ, никакое понятіе соотвѣтствующее никакой предметъ соразмѣрный этой потребности не оправдывалъ ее и не удовлетворялъ ее, то означенное вѣрованіе, не зная куда обратиться и на чемъ остановиться, терялось въ сомнѣніяхъ, или блуждало въ суевѣріяхъ. Для насъ, христіанъ, весьма странно то обстоятельство, что во всѣхъ понятіяхъ философскихъ и міологическихъ, составленныхъ людьми о небѣ, Божество вовсе исключалось при тѣхъ радостяхъ, какими наслаждались небожители, и эти радости не были отличны отъ наслажденій земныхъ и даже были только тѣньми ихъ:

- „Блуждаютъ блѣдныя тѣни безъ плоти и костей;
- „То собираются на площадяхъ, то подъ кровли тираннѣ;

„То увеселяются искусствами, по подражанію прежней жизни“.(*)

Тамъ, говорить другой поэтъ:

„Тамъ, кто въ своей жизни находилъ удовольствіе

„Объѣзжать лошадей, дѣйствовать искусно оружіемъ,

„Тѣ подобными же забавами и тѣми же удовольствіями

„И по смерти сокращаютъ вѣчные досуги.“ (**)

Какая насмѣшка! Какая нищета!

Не лучшими понятіями о небѣ владѣли и Филозофы самые религіозные. Высшее наслажденіе, какое обѣщаетъ себѣ Цицеронъ, (***) состоитъ въ томъ, что онъ въ будущей жизни вѣчно будетъ бесѣдовать съ Катонъ.... Послѣ этого намъ понятно, почему Цицеронъ дошелъ наконецъ до сомнѣнія въ своемъ безсмертіи.

Сократъ не допускаетъ даже участія Божества въ судѣ надъ душами. «Они произнесутъ надъ нами приговоръ», говоритъ онъ отъ лица Юпитера, на полянѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся пути Блаженныхъ острововъ и Тартара! Радантъ будетъ судить Азію, Эакъ—Европу, а на Мисса я возложу обязанность пересмотрѣть дѣла сомнительныя. Мы узнаемъ, наконецъ, безошибочно, по какому пути душа каждаго смертнаго должна проходить свое путешествіе.» Послѣ этого Сократъ

(*) Ovid. Metamorph. L. IV, 443.

Errant exsanguis sine corpore et ossibus umbrae;
Parsque forum coelebrant, pars imi tecta tyranni:

Pars alias artes, antiquae imitamina vitae.

(**) Virgil. Æneid. L. VI, по переводу de Barthelemy.

(***) 'мот. его трактатъ De senectute.

прибавляетъ: «эта мысль передана намъ, и мы ей вѣримъ.»(*)

Послѣ этого не удивительно, когда Сократъ говорилъ: *безъ сомнѣнія, ты смотришь на эти рассказы, какъ на бредни выжившей изъ ума старухи.* Однако же надобно было принимать ихъ, потому что философія по своимъ изслѣдованіямъ не находила ничего болѣе здраваго и болѣе вѣрнаго. Вотъ небо человѣческое!

А кто же и каковы тѣ личности, кому открывался входъ въ это небо, или Поля Елисейскія? Это были герои, или цари, или философы; посмертная жизнь существовала только для великихъ душъ, какъ сказалъ Тацитъ (*si, ut sapientibus placet, post mortem cum corpore extinguuntur magnæ animæ*); но ни для одного бѣдняка, ни для одного раба;—для нихъ не было ни неба, ни ада; не было даже и въ помыслахъ, чтобы у нихъ могла быть какая нибудь душа. Такимъ образомъ добродѣтель и несчастіе оставались безъ утѣшенія и надежды; и горькія слезы бѣдняка проливались безъ облегченія, или осушались только скотскимъ безсмысленнымъ нечувствіемъ.

(*) Gorgias, по переводу de Victor Le Clerc.—Это судебное устройство представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что оно предполагаетъ нововведеніе въ правленіи Юпитера. „Въ первыя времена Юпитера, высшіе судьи произносили приговоры объ участи людей жившихъ въ тотъ день, когда имъ надлежало умереть. При такомъ положеніи дѣла приговоры эти составлялись дурно. И Плутонъ и его министры приходили съ жалобой къ верховному царю на то, что блаженство и мученія опредѣляются иногда несправедливо. Я съумѣю, сказалъ царь боговъ, положить конецъ этимъ несправедливостямъ“. (Gorgias).

2. Откройте врата неба христіанскаго! Какъ
вы блестящи! Кто же можетъ вынести сіяніе, изъ
васъ являющееся?

Всѣ ложныя религіи живописуютъ предъ на-
шими глазами небо; Религія Иисуса Христа не дѣ-
лаетъ этого. Причина этого заключается въ томъ,
что всѣ прочія религіи изображаютъ небо по обра-
зу земли; Религія Иисуса Христа, если она истин-
на, можетъ изобразить его не иначе, какъ въ его
собственномъ видѣ; поэтому она по необходимости
удерживается отъ представлений неба, да мы и не
имели бы этихъ представлений.

Черезъ это она отрекается отъ одного изъ важ-
нѣйшихъ средствъ къ успѣху и поставляетъ подлѣ
испытаніе человѣческое безкорыстіе, что весьма
прилично Божественной Религіи.

Но чрезъ это же самое она о небѣ, даже подлѣ
открытіемъ, сообщаетъ намъ идею тѣмъ болѣе
стойкую ея, тѣмъ болѣе истинную и привлека-
тельную для разума, когда отъ нея слышимъ слѣ-
дующія слова, столь могучія по самому даже без-
образію ихъ къ выраженію передаваемого предмета:
«не видѣлъ того глзъ, не слышало ухо, не при-
ходило то на сердце чловѣку, что приготовить
Богъ любящимъ Его». (1 Кор. 29) Вотъ все,
что могла она сказать намъ, чтобы передать намъ
впечатлѣніе о томъ, *какая широта и долгота и глубина
и высота* этой тайны (Ефес. 3, 19.)

«Не представляется ли вамъ, говоритъ при-
томъ Боссюэтъ, что вы слушаете чловѣка, кото-
рый будто бы видѣлъ какой то великолѣпный
дворецъ, пѣхожій на тѣ волшебныя замки, о ко-
рыхъ рассказываютъ намъ поэты, и который

будто бы ни о чемъ другомъ не говорить, какъ о высотѣ зданій, о широтѣ рововъ, о глубинѣ основаній, о чудесной долготѣ раскрывающагося поля. Впрочемъ онъ не въ состояніи передать ни одного признака, по которому можно было бы составить понятіе объ этомъ видѣніи, ни представить описаніе его, которое не было бы грубо; въ такомъ онъ былъ восхищеніи и удивленіи отъ этого прекраснаго зрѣлища. (*)

Всѣ въ совокупности блага міра сего въ сравненіи съ благами неба не больше, какъ соръ; всѣ страданія настоящей жизни не составляютъ никакой соотвѣтствующей заслуги по отношенію къ славѣ будущаго вѣка; ибо *кратковременное, легкое страданіе сей жизни приготовляетъ намъ въ безсмертномъ преизбыткѣ вѣчную славу.* (2 Кор. 4, 17)

Какая удивительная идея, и какой могучій рычагъ представляется для слабости человѣческой, чтобы отрѣшиться отъ тлѣнныхъ благъ міра сего мужественно терпѣть всякія злослукія!

Повторяемъ: если Христіанство—самосушная истина; то могло ли оно выражаться иначе? И почему же послѣ этого не признавать въ немъ самую истину? Отъ чего зависить, что по понятіямъ всякой другой религіи не приходится поступать такимъ образомъ? Не значить ли это, что истина одна и только она одна умѣетъ владѣть тайною своего собственнаго языка?

Но здѣсь надобно предоставить говорить здравому смыслу человѣческому самолично, надобно посмотреть, съ какою силою разума нашъ Монтанъ, вооруженный вѣрою, бичуетъ всѣ глупости чело-

(*) Sermon pour le jour de la Toussaint.

человѣскія, и превозноситъ высочайшую, ни съ чѣмъ
сравнимую, истину Христіанства.

«Когда Платонъ толкуетъ намъ о садахъ
Плутона и о наслажденіяхъ, или мученіяхъ тѣлес-
ныхъ, ожидающихъ насъ въ будущемъ, послѣ раз-
рушенія и уничтоженія тѣлъ нашихъ, и приравни-
ваетъ ихъ къ ощущенію, какое мы испытываемъ
въ сей жизни.....; когда Магометъ обѣщаетъ сво-
имъ послѣдователямъ рай, увѣшанный коврами,
окрашенный золотомъ и обоями, населенный жен-
щинами превосходной красоты, съ отличными ви-
нами и яствами; то я очень хорошо понимаю, что
это обманщики, принаравливающіеся къ нашей
глупости съ тою цѣлю, чтобы оболстать и увлечь
насъ за собою мнѣніями и надеждами, удовле-
творяющими нашему смертному аппетиту. Каж-
дому изъ нихъ слѣдуетъ отвѣчать отъ лица разу-
ма человѣческаго: если удовольствія, обѣщаемыя
тобою въ будущей жизни, тѣже, какими я насла-
ждаюсь здѣсь на землѣ; то все это не имѣетъ ни-
чего общаго съ безконечнымъ. Когда всѣ мои пять
чувствъ естественныхъ будутъ преисполнены нас-
лажденіемъ, и душа моя объята всѣми удовольст-
віями, какихъ можетъ она желать и надѣяться:
то мы понимаемъ, что все это для нея возможно,
но еще ничего бы не значило; гдѣ есть что ни-
куда мое, тамъ ничего нѣтъ Божественнаго; если
все это не что другое, какъ относящееся къ наше-
му настоящему существованію; то оно не можетъ
быть принято въ расчетъ: всякое удовольствіе
смертныхъ—мертво... Мы не можемъ достойнымъ
образомъ понять и представить величія высочай-
шихъ Божественныхъ обѣтованій, хотя и можемъ
какъ нибудь ихъ представлять; а ч'обы достой-

нымъ образомъ представлять ихъ, надобно представлять ихъ невообразимыми, невыразимыми, непостижимыми и совершенно отличными отъ удовольствій нашего бѣднаго опыта. «Не видѣлъ того глазъ, говоритъ Св. Апостоль, не слышало уха, не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его.»(*)

И какъ все это согласно и какъ оправдываетъ вся въ Христіанствѣ! Если говорится, что невозможно представить себѣ блаженство небесное; то все не съ тою цѣлю, чтобы безпредѣльно воспламенять духъ человѣческой пустою надеждою великихъ благъ, какія только можемъ мы себѣ представить, въ такомъ случаѣ это было бы только *данное* для фанатизма и суевѣрія; но по тому, что блаженство небесное состоитъ въ общеніи съ Богомъ и наслажденіи Имъ, а Богъ безпредѣленъ и непостижимъ. Такимъ образомъ блаженство небесное съ точностію опредѣляется въ своей сущности; и въ то же время оно безпредѣльно и въ самомъ этомъ опредѣленіи; его безпредѣльность есть слѣдствіе самой его сущности.

Послѣ этого понятно, почему невозможно понять и представить блаженство небесное, и эта невозможность постиженія его составляетъ лучшее понятіе о немъ. Все, что есть истиннаго, добраго и прекраснаго въ вещахъ, нами познаваемыхъ, все, что можемъ вообразить себѣ совершеннѣйшаго, все это дары Божіи, но не Богъ; а все, что не Богъ, конечно, ограничено, преходяще, тлѣнно, и потому не можетъ удовлетворять души человѣческой, которой существенное свойство—то, что она

(*) Essais, liv. II chap. XII.

ненасытима и безпредѣльна въ своихъ горячихъ стремленіяхъ и желаніяхъ. Но Богъ, самъ Виновникъ и Творецъ всякой красоты, всякаго добра и всякой истины; Богъ—высочайшій образецъ красоты, не прекрасное только, что можно сказать о всѣхъ прекрасныхъ созданіяхъ, но самая красота, потому все остальное только прекрасно и прекрасно только чрезъ Него же; это и есть небо съ неистижимою красою. Сказанное нами о красоте должно быть сказано также и о всѣхъ другихъ свойствахъ Высочайшаго Существа: Истинѣ, Любви, Правдѣ, Могуществѣ, Славѣ; и все это въ сущности и безпредѣльности. Соедините все, что міръ представляетъ наиболѣе совершеннаго въ подавляющемъ разнообразіи всѣхъ его чудесъ; приложите возможную красоту ко всѣмъ его красотамъ, возможную истину ко всѣмъ его истинамъ, возможное великолѣпіе ко всему его великолѣпію, возможную гармонію ко всѣмъ его гармоніямъ, единственно возможную любовь ко всѣмъ видамъ его любви;—что вы получите? Ничего сравнительно съ Творцемъ всего этого; потому что все это есть только переходящая тѣнь того, что въ Немъ пребываетъ, какъ неизмѣнная существенность, и нѣтъ никакого сравнительнаго счисленія между конечнымъ и безконечнымъ.

Какая подавляющая и въ тоже время вѣрная дѣя о небѣ! Тутъ не пустое и приторное многоловіе, но простая, строгая и необходимая истина; такъ должно быть, такъ оно и есть.

И смотрите, какаго удивленія достойны по своей истинности и силѣ нѣкоторыя черты, какъ бы случайно брошенныя Христіанствомъ по этому предмету.

Теперь, говорить оно, мы познаемъ Бога какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно; тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я позналъ (1 Кор. 13, 12). Видѣлъ Бога какъ бы проходящаго и сзади, подобно Моисею, говоритъ Линней; видѣлъ Его, оставался нѣмъ, пораженный удивленіемъ и изумленіемъ. Я сумѣлъ открыть нѣкоторые слѣды Его стопъ въ дѣлахъ творенія, и въ этихъ дѣлахъ, даже самыхъ малыхъ и такихъ, которыя представляются ничтожными, какая сила, какая мудрость, какое неизъяснимое совершенство!» Послѣ этихъ словъ поймите, если можете, блаженство души, которая видитъ и вѣчно болѣе и болѣе будетъ созерцать того самаго Бога, уже не сзади, не нечаянно, не при посредствѣ отраженія и какъ бы преломленія въ Его дѣлахъ, но въ Немъ самомъ, прямо, лицомъ къ лицу, открыто и такъ, какъ Онъ есть Самъ въ Себѣ. (*)

Я буду всею наградою безконечно великою (Быт. 15, 1). Такъ говоритъ самъ Богъ Творецъ и Раздаватель всѣхъ даровъ, Источникъ всѣхъ благъ, представляетъ Самаго Себя въ даръ добродѣтели. Еще разъ,—какая совершеннѣйшая идея о небѣ! И какъ хорошо знаетъ Религія, предлагающая эту идею, сердце человѣческое и потребности любви, по свойству которой ничего не дается ей, если дающій не отдаетъ ей самаго себя.

Побѣждающему дамъ съестъ со Мною на престолѣ Моемъ (Апок. 3, 21).—Смиренная добродѣтель, непризнаваемая и отвергаемая всѣмъ міромъ, превозносится до сидѣнія на ряду со Всемогущимъ, на самомъ престолѣ Его славы. Какая картина! Какое

(*) Иоан. 3, 2. Увидимъ Его, какъ Онъ есть.

здѣсь отличное возмездіе со стороны правосуднаго Бога и достойное Его противоположеніе здѣшнимъ несообразностямъ! (*)

Богъ волю боящихся Его сотворитъ (Псал. 144, 9). Существенное свойство добродѣтели то, чтобы исполнять волю Божию, покоряться долгу, безъ своеумудрія, вопреки всѣхъ препятствій и преградъ, безъ отлагательства, безъ колебанія. Но смотрите, какое за то воздаяніе! На небѣ Самъ Богъ будетъ исполнять волю своихъ святыхъ угодниковъ. Воля всемогущая, безпредѣльная, независимо дѣйствующая во всемъ мірѣ и все себѣ подчиняющая, сама подчиняется волѣ своихъ созданій. Не представляется ли здѣсь вашей мысли добрый отецъ, который, возвратившись послѣ дневныхъ трудовъ въ семейный кругъ, отлагаетъ въ сторону всякое, свойственное ему по его положенію достоинство, для того, чтобы отдаться прихотямъ своихъ дѣтей и сдѣлаться ихъ товарищемъ, даже больше того—орудіемъ ихъ забавъ? Богъ исполняетъ волю какого ни будь праведника! Какова же должна быть эта воля, какъ она въ семъ случаѣ должна быть свѣтла, ко-

*) Это съ особенною выразительностію представлено въ извѣстномъ мѣстѣ Премудрости Соломоновой: „Тогда станетъ въ дерзновеніи мнозѣ праведникъ предъ лицемъ оскорбившихъ его и отметающихъ труды его. Видящій смятутся страхомъ тяжкимъ и ужаснутся о преславномъ спасеніи его. И рекутъ въ себѣ кающеся и въ тѣснотѣ духа воздыхающе: сей бѣ, его же вмѣнихомъ нѣкогда въ посмѣхъ, и въ притчу поношенія. Безумніи житіе его вмѣнихомъ неистово, и кончину его безчестну. Како вмѣнися въ сынѣхъ Божіихъ, и въ святыхъ жребій его есть? Убо заблудихомъ отъ пути истиннаго, и правды свѣтъ не облиста намъ (гл. 5).

гда пользуется такою властію по отношенію къ самому Богу и по своему желанію почерпаетъ блаженство и жизнь въ Его отеческихъ нѣдрахъ. Буду ему Богомъ, и онъ будетъ Мнѣ святомъ. Дамъ ему даромъ отъ источника воды живой (Апок. 21, 6, 7).

И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ (Апок. 26, 4). Сколько отраднаго высказывается въ этихъ словахъ и какъ понятно изъясняются ими другія слова Господа: *блаженны плачущіе!*.... Что такое слезы? Это кровь души, это печальное преимущество человѣка, неизбежная дань наслѣдственной проклятія, общее выраженіе всѣхъ страданій... Въ какихъ огромныхъ пріемахъ выпадаютъ они на долю добродѣтели и часто проливаются безутѣшными страдальцами, непонятыми, преслѣдуемыми! Чтобы не проливать этихъ слезъ, кто не пожелаетъ того дня, когда Богъ своею рукою отретъ ихъ? Эта самая рука, силою своею держащая весь міръ, и всею тяжестію своею висящая надъ безднами ада, обратится въ десницу *Отца милосердія* Бога всякаго утѣшенія, и съ неизъяснимою нѣжностію любви совершитъ дѣло—отереть всѣ слезы *всякую слезу!* Т. е. изъ безчисленнаго множества слезъ, проливаемыхъ угодниками Божиими, нѣтъ ни одной слезы, какъ бы она ни была безвѣстная, забыта и потеряна, такой, которой бы эта десница не могла вѣрно найти, вполне поднять и осушить. Возможно ли въ болѣе совершенномъ образѣ представить блаженство небесное?

Вотъ небо христіанское, то вожделенное *Царство небесное*, которое послѣдователямъ Евангелія постоянно представляется, какъ цѣль всѣхъ ихъ помысловъ, желаній и надеждъ, какъ предѣлъ всѣхъ ихъ жертвъ и терпѣній, и предвкушеніе всѣхъ ихъ

какого дается имъ ощущать уже и здѣсь на землѣ въ неизреченныхъ общеніяхъ Бога съ вѣрною душею, составляющихъ какъ бы животворныя каналы изъ вѣчнаго океана блаженства. Это блаженное царство состоитъ въ непосредственномъ познаніи и созерцаніи Бога, въ непостижимомъ причастіи Его совершенствъ и жизни,—но въ познаніи, созерцаніи, причастіи, всегда возрастающихъ болѣе болѣе до безконечности, въ степени и силѣ единственнаго внутреннѣйшаго единенія между душею и Богомъ.

Можно ли найти достойныя выраженія для изображенія этого состоянія? Какія бы мы ни взяли, съ они оказываются скудными и низкими предъ неизбѣжнымъ величіемъ этой истины. *Насыщусь, когда возмнѣется мнѣ слава Твоя (Псал. 16, 15) (Смыслъ твой) возлюблю отъ избытка жилищъ Твоихъ; и Ты будешь питать ихъ изъ потока Твоихъ сладостей. (Псал. 63, 9, 10).* И эта радость не будетъ имѣть ни предѣловъ, ни мѣры; это океанъ, берега котораго всегда раздвигаются и убѣгаютъ; ибо въ этомъ свѣтѣ будутъ видѣть еще свѣтъ, и будутъ преобразовываться отъ славы въ славу. (Коринт. 3, 18) По этому этому намъ необходимо опять ограничиться теми же словами, съ которыхъ мы начали: *не видѣла того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце челоуѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ его.* Сердце челоуѣка, которое здѣсь на землѣ такъ страшно томится алчною и жаждою блаженства, составляетъ мечты о немъ постоянно новыя, ищетъ другихъ смѣняющія; для отысканія его бросается на все, само собою снѣдается и истощается, и въ всѣхъ тѣхъ очевидно воздыхаетъ о правдѣ, истинѣ и истинѣ, наконецъ найдетъ ихъ, и сдѣлаетъ

ся наконецъ блаженнымъ. (*)

3. Определите въ числахъ, если можете нравственную силу догмата, столь чуднымъ образомъ принаровленнаго къ сердцу человѣческому такъ вполне соответствующаго всеѣмъ потребностямъ нашихъ духовныхъ силъ и способностей.

Всѣ религіи человѣческія, представляя будущую жизнь не иначе какъ только съ радостями, похожими на удовольствія міра сего, тѣмъ самымъ обличаютъ собственную ложность и безнравственность. Онѣ *ложны*; потому что опытъ цѣлой жизни прямымъ путемъ приводитъ къ убѣжденію, что чувственныя удовольствія, всѣ сотворенныя бластрадають неспособностію наполнить сердце человѣческое. Онѣ *безнравственны*, потому что въ умѣ и сердцѣ возбуждаютъ жажду и стремленія, противныя истинной добродѣтели, порабощаютъ душу чувственности и дѣлають ее всецѣло плотною.

Безсмертной душѣ потребна вѣчная пища; этой пищи она жаждетъ, и только ею питаясь развивается, восходитъ къ совершенству; это и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ ея собственнаго безсмертія. Но вѣчень одинъ только Богъ.

(*) Et maintenant je suis noyée
 Dans une volupté sans bornes, et payée
 De quelques peines d' un moment . . .
 Oh! malgré les hauteurs, ou son desir s' elance,
 Le monde n' en saurait avoir intelligence:
 C' èst une éternelle. esperance
 Satisfaite éternellement.

(Reboul, le dernier jour)

Душѣ духовной, которую портятъ, развращаютъ и оземляютъ наслажденія чувственныя, необходимо питаться надеждою такого блага, которое бы господствовало надъ чувственностію и возбуждало стремленія ея горѣ, необходимы наслажденія сердца и разума, т. е. предметъ высочайше духовный и совершеннѣйшій въ истинѣ и святости, таковымъ опять можетъ быть одинъ только Богъ. (*)

Природѣ человѣческой, въ высшей степени способной къ усовершенствованію и взаимной общительности, потребна не обольстительная приманка земныхъ благъ, задерживающихъ насъ на пути совершенствованія и составляющихъ предметъ споровъ и раздѣленій за ихъ обладаніе, но—надежда такого блага, которое своею безконечною силою бы насъ къ развитію и усовершенствованію возвысала къ концу, и своимъ единствомъ и нераздѣльностью соединяло бы насъ другъ съ другомъ духовными и неразрывнымъ союзомъ.

Слѣдственно, Христіанство, поставленіемъ несомнѣннаго блаженства въ Богъ, разрѣшило вопросъ о нашемъ истинномъ назначеніи; и чрезъ это самое

*) „Для Религіи“ говоритъ Монтескье, „мало уставить догматъ, а необходимо еще дать ему направленіе. Это самое удивительнымъ образомъ совмѣщается въ Религіи Христіанской относительно догматовъ, о которыхъ мы говоримъ: она одушевляетъ насъ надеждою такого состоянія, на счетъ котораго мы можемъ имѣть только вѣру, а не такого, о которомъ мы можемъ имѣть познаніе, или ощутительно испытывать на самомъ дѣлѣ. Все, до воскресенія нашихъ тѣлъ, ведетъ насъ къ этимъ духовнымъ понятіямъ. (Esprit des lois liv. XXIV, с. XIX).

сколько отдѣляетъ себя отъ всѣхъ религіозныхъ измышленій человѣческихъ, столько же поставляетъ себя выше всего человѣческаго.

Обратите вниманіе еще на то, какъ Христіанство единично, неразрывно связано въ своемъ правоученіи и въ своихъ догматахъ, и всецѣло Божественно. Одной только Религіи Христовой полагающей въ основаніе правоученія любовь къ Богу, принадлежитъ высокое преимущество, для догматическаго утвержденія своего правоученія, высочайшею цѣлюю его—поставлять блаженное общеніе съ Богомъ и наслажденіе Имъ и возбуждать и питать въ насъ любовь надеждою этого общенія и наслажденія.

Еще остается одна мысль, существенно относящаяся къ этому предмету, но оставленная нами въ сторонѣ, и ее теперь слѣдуетъ раскрыть.

Въ религіяхъ человѣческихъ наиболѣе неосновательнымъ и пустымъ, какъ только можно себѣ вообразить, представляется преимущественно то, что относится къ существенному ученію о будущей жизни. Въ этой жизни, по ихъ ученію, справедливо говоря, нѣтъ отрады и утѣшенія ни для души ни для тѣла; ибо онѣ обѣщаютъ только чувственныя удовольствія, подавляющія всякія радости доступныя разуму и сердцу, и въ то же время не допускаютъ участвовать въ нихъ тѣло человѣческое, а потому эти удовольствія остаются пустыми призраками, ни къ чему непригодными. Не потому ли въ самомъ дѣлѣ, и небо въ этихъ религіяхъ называется *царствомъ тьмы*? Все это близко подходитъ къ отрицанію безсмертія.

Напротивъ христіанство догматомъ о воскресеніи тѣлъ всецѣло уноситъ насъ въ свои небеса.

обители, которыя по всей справедливости называются въ немъ *странною живыхъ*. Здѣсь то, когда душа, по своей духовно—нравственной природѣ, вступитъ въ полное обладаніе и наслажденіе всеми радостями, какія только возможны для нея, въ то же время и самое тѣло, наше собственное тѣло опять будетъ возвращено намъ, соединится съ душою, чтобы вмѣстѣ съ нею участвовать въ тѣхъ же радостяхъ. Поколикую тѣло въ земной жизни не бываетъ чуждо борьбы и брани за вѣру и добродѣтель, потоліку оно не будетъ чуждо торжества и награды. Сколько оно служитъ намъ, при совершеніи добрыхъ дѣлъ, столько будетъ соучаствовать и въ наградѣ за нихъ. По таинственному соединенію съ душою, оно будетъ раздѣлять вмѣстѣ съ нею небесныя наслажденія, свойственныя только ей, какъ и душа очень часто раздѣляетъ здѣсь наслажденія, свойственныя только тѣлу; и тогда—то окончательно прекратится та таинственная брань, которая здѣсь на землѣ постоянно составляетъ ихъ въ противорѣчіе и вражду другъ съ другомъ.

Этою надеждою утѣшался Іовъ на своемъ пощѣи, господствуя надъ жестокими припадками поразившей его болѣзни, притуплялъ чрезмѣрную болѣзненную силу ихъ вѣрою въ будущее воскресеніе, когда говорилъ: «Я увѣренъ, что есть Спаситель, и я въ послѣдній день воскресну изъ земли, вновь облечусь моею кожею, и увижу Бога моего въ моемъ тѣлѣ; я самъ, а не другой кто, увижу Его и буду созерцать Его моими собственными глазами. Это моя надежда, она пребываетъ въ моемъ нѣдрѣ». (Іов. 19, 25.)

Какой могущественный рычагъ въ этой надеж-

дѣ! и какъ всецѣло обнимаетъ человѣка эта надежда, чтобы поднять его изъ его униженія!

Едва ли можно достаточно исчерпать это свойство Христіанства:—*Религія Искупителя*, Которая ожидалъ праведный Іовъ, и въ *Которомъ* все обитованія Божіи непреложно истинны, есть единственная Религія, удовлетворяющая всѣмъ нуждамъ и потребностямъ человѣка, которая чѣмъ болѣе преобразуетъ природу человѣческую, тѣмъ болѣе возвышаетъ ея достоинство и служитъ ей защитою. Такъ, Христіанство съ одной стороны повѣдуетъ потребность очистительнаго дѣйствія страданій, а съ другой, облегчаетъ и услаждаетъ горечь ихъ своимъ благодатнымъ помазаніемъ и не запрещаетъ скорби и молитвы о избавленіи отъ нихъ. Оно осуждаетъ плоть и строго требуетъ ея умерщвленія, чтобы по мѣрѣ ея ослабленія содѣйствовать освобожденію души отъ насильственной власти плотскихъ похотей; но въ то же время оно признаетъ и права этой самой плоти, представляетъ ее *храмомъ Божіимъ*, который сама душа обязана уважать. Оно, какъ говоритъ Св. Апостоль, въ тѣлѣ смертномъ съетъ съмена тѣла духовнаго и бессмертнаго и призываетъ эту самую плоть на пиръ бессмертія.

Никакая другая религія не обращала столько заботъ и попеченій на тѣлесныя страданія человѣчества, какъ Религія Христіанская, хотя въ основаніи ея лежитъ страданіе и вся сила ея въ крестѣ. Для страждущей плоти она воздвигаетъ больницы, подобныя дворцамъ и храмамъ, тогда какъ погруженная въ чувственность древность возводила вмѣсто того амфиатры для наслажденія зрѣлищемъ страданій плоти. Даже самая смерть не

прекращаетъ ея уваженія и попеченія о нашемъ тѣлѣ: она съ трогательными обрядами, съ умильными молитвами и пѣснопѣніями отдастъ погребенію честь тѣламъ умершихъ, и у самой смерти оспариваетъ ея добычу; на основаніи воскресенія нашего Спасителя она внушаетъ намъ несомнѣнную вѣру въ ту истину, что разрушеніе нашихъ тѣлъ будетъ только временное, подобно разрушенію брошеннаго въ землю сѣмени, которое стлѣваетъ лишь для того, чтобы произрасти. Мы сдѣлаемъ только переходъ чрезъ могилу: сойдемся подъ ея мрачными сводами, проберемся чрезъ нихъ и по другую сторону могилы, выпрямимъ во весь ростъ нашего безсмертія и по душѣ и по тѣлу.—

Такимъ образомъ Религія Христіанская, не позволяя оплакивать усопшихъ ближнихъ нашихъ и платить естественную дань временному разлученію нашему съ ними, улаживаетъ наши слезы надеждою близкой встрѣчи съ ними на небѣ. *Малъ не много о умершихъ, говоритъ она, но не такъ прочіе не имѣющіе надежды. (*)*

*) Сир. XXII, 10; 1 Тессал. IV. 13. Позволительно питать надежду, что мы встрѣтимся другъ съ другомъ на небѣ и наше блаженство будетъ усугубляться блаженствомъ нашихъ друзей. „Пожалуйте тѣ личности, наиболѣе любимыя вами, съ которыми вамъ жалко было бы разлучиться, такъ какъ вы съ ними должны будете жить вѣчно на небѣ, каковы—вашъ супругъ, вашъ маленькій Жанъ, благородный вашъ отецъ. О, этотъ милый мальчикъ, который, по милости Божіей, будетъ нѣкогда блаженнымъ въ жизни вѣчной, гдѣ онъ будетъ наслаждаться моимъ блаженствомъ и радоваться ему, и я буду наслаждаться его блаженст-

Такъ то Религія Христіанская возстановляетъ плоть, возводя къ совершенству духъ; она обращаетъ вниманіе на всего человѣка, ничѣмъ не пренебрегаетъ, все обнимаетъ, чтобы все возстановить, и этимъ отличительнымъ характеромъ, ея одной свойственнымъ, очевидно показывается, что она—старшая сестра природы человѣческой и дщерь Бога.

4. Но мы еще не все высказали; наша святая Религія, которую невѣріе представляетъ какъ будто бы ограничивающею разумъ человѣческій, далеко превосходитъ этотъ разумъ.

Мы уже знаемъ, что такое небо христіанское; теперь рассмотримъ, кому оно обѣцано и кто ея обитатели?

Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ тѣмъ, что исключительно принадлежитъ одному только Христіанству: бѣдные, низкіе, кроткіе, жертвы угнетенія, миротворцы, печальные, отребіе міра,—вотъ цари и князья неба, имѣющіе произвести судъ надъ землею: для таковыхъ врата небесныя отверзаются широко и пространно. И, напротивъ, гордые, богатые, великіе, гордые, преданнымъ чувственности сластолюбцамъ, жестокосердымъ и убитымъ своимъ братьевъ; для сихъ послѣднихъ врата небесныя слишкомъ тѣсны, и удобнѣе казать пройдетъ сквозь игольное ушко, чѣмъ они въ царство небесное. Имъ то будетъ сказано: идите отъ Меня, проклятіи, ... Я не знало васъ, ... вы получили свою награду.

вомъ и радоваться ему, никогда уже не разлучаясь другъ съ другомъ. (Oeuvr. de François Sales, lett. DCCLXXXVII, 7 avril 1617).

Какой нравственный переворотъ внесенъ въ
 миръ этими простыми словами: *первые будутъ по-
 слѣдними, а послѣдніе первыми!* Сколько зародышей
 безропотнато терпѣнія внесено ими въ сердце
 бѣдныхъ и рабовъ! Сколько спасительнаго безпо-
 койства пробуждено въ душѣ богатыхъ и господъ
 какой поворотъ судьбы произведенъ вопреки
 всѣхъ раздѣловъ временнаго счастія! Выслушайте:
 Нѣкоторый человекъ былъ богатъ; одѣвался въ
 порфиру и виссонь, и каждый день иршествовалъ
 властительно. Былъ также нѣкоторый нищій, име-
 емъ Лазарь, который лежалъ у воротъ его въ
 трущыхъ, и желалъ насытиться крошками, па-
 вающими со стола богача; и псы, приходя, лизали
 трущя его. Умеръ нищій, и отнесенъ былъ на лоно
 Авраамово. Умеръ и богатый, и похоронили его. И
 въ адѣ, будучи въ мукахъ, онъ поднялъ глаза свои,
 видѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его, и,
 возопивъ, сказалъ: отче Аврааме! умилосердись на
 мною, и пошли Лазаря, чтобы смочилъ конецъ
 перета своего въ водѣ, и прохладилъ языкъ мой;
 ибо я мучусь въ пламени семъ.—Но Авраамъ ска-
 залъ: Чадо! вспомни, что ты получилъ уже доброе
 свое въ жизни своей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ
 утѣшается, а ты страдаешь. И сверхъ все-
 го того между вами и нами утверждена великая
 пропасть, такъ что хотящіе перейти отсюда къ
 намъ не могутъ, также и оттуда къ намъ не при-
 ходятъ.—Тогда сказалъ онъ: такъ прошу тебя,
 отче, пошли его въ домъ отца моего; ибо у меня
 пять братьевъ; пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ,
 чтобы они не пришли въ сіе мѣсто мученія.—Авра-
 амъ сказалъ ему: у нихъ есть Моисей и Пророки;
 пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: нѣтъ, отче

Аврааме! Но если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаются.—Тогда Авраамъ сказалъ ему: есаи Моисея и Пророковъ не послушаютъ,—то, если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ.» (*)

Какая многообъемлющая притча! и какъ она живо изображаетъ тотъ рѣшительный переворотъ въ силу котораго Христіанство изъ праха поднимаетъ раба и нищаго, чтобы вознести ихъ наверхъ истиннаго величія; на мѣсто Геркулесовъ, Тезеевъ, Ахилловъ, Александровъ и Цезарей поставляетъ Петровъ, Павловъ, Іоанновъ, Іакововъ, Магдалинъ, Марій, и въ покровители воинственныхъ и могущественныхъ народамъ міра даетъ бѣдныхъ пастуховъ и пастушекъ овецъ. (**)

Этотъ переворотъ, въ высшей степени благодѣтельный по своей образовательной силѣ, начался единственно съ появленіемъ Христіанства, — это безспорно. Какъ только онъ совершился, всѣ господствовавшія общепринятія понятія и вѣрованія смѣшались, и Іисусъ Христосъ поставлялъ его на ряду съ своими великими чудесами: спойдите, говорилъ Онъ посланнымъ отъ Іоанна ученикамъ, скажите Іоанну, что слышите и видите слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищимъ благовѣствуется (Мат. 11, 4, 5).

(*) Лук. XVI, 19—31. Послѣдній стихъ заключаетъ въ себѣ самую поразительную истину. Изъ него прямо выходитъ, что невѣріе происходитъ не отъ недостатка основаній для вѣры, а отъ недостатка доброй воли отъ рѣшительнаго нежеланія вѣровать. И между очевидцами чудесъ Іисуса Христа сколько было такихъ кои не хотѣли вѣровать въ Него.

(**) Женевьева—покровительница Парижа.

Впрочемъ рѣшительно расширяя свое нѣдро для принятія бѣдныхъ, и воздавая подобающія почести и достоинства, Христіанство не представляетъ спасеніе невозможнымъ для богатыхъ вообще, а только для *злыхъ богачей*. Оно даже побуждаетъ богатыхъ искать вѣчнаго спасенія посредствомъ употребленія своихъ богатствъ въ пользу бѣдныхъ, для облегченія ихъ временныхъ несчастій; и такимъ образомъ научаетъ ихъ мудрымъ распределеніемъ своего достоянія разомъ устроить своимъ чрезъ другихъ земное и небесное благополучіе. Внушая бѣднымъ благодушное терпѣніе и любовь въ страданіяхъ, съ обѣщаніемъ въ награду за то *царства небеснаго*, оно старается обрѣсти ихъ участь и здѣсь на землѣ, располагая богатыхъ спѣшить къ нимъ на помощь, дабы и послѣдніе не лишились того же *царства небеснаго*. Предлагая такимъ обр. одну и ту же награду и *божеству и благотворительности*, оно въ одно и то же время старается и оказать временное вспоможеніе бѣднымъ, безъ ущерба ихъ вѣчному блаженству, и устроить вѣчное спасеніе богатыхъ, безъ ущерба ихъ временному благополучію, и обрѣсти благосостояніе человѣчества посредствомъ однихъ и тѣхъ же богатствъ, которыя до Христіанства и внѣ его служили и служатъ главнѣйшимъ источникомъ развращенія человѣчества. «Удивительное дѣло!—можемъ сказать здѣсь вмѣстѣ съ Монтескье,—Христіанская Религія, повидимому ищущая цѣлю только блаженство наше въ будущей жизни, устрояетъ и въ настоящей жизни наше благополучіе.» (*)

Esprit des lois, liv. XXIV, chap. 111.

Здѣсь надобно замѣтить, какими выраженіями пробуждаетъ Христіанство наше вниманіе, чтобы сдѣлать такимъ обр. небо точкою опоры нашего земнаго благополучія. «Давайте, и дастся вамъ мѣрою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплотъ вамъ въ лоно ваше; ибо какою мѣрою мѣрите, такою же отмѣрится и вамъ.» (Лук. 6, 38)

А знаете ли, какое будетъ судилище, гдѣ послѣдуетъ распредѣленіе вѣчныхъ благъ? Это не то судилище, которое составлено изъ трехъ судей способныхъ погрѣшнать, каковы: Миносъ, Эакъ и Радамантъ, съ тѣмъ чтобы одинъ изъ нихъ *решалъ по жребію*; нѣтъ это судилище будетъ состоять изъ одного Судіи, и притомъ такого единственнаго Судіи, Который въ одно и тоже время будетъ законодатель, свидѣтель, тяжущійся, разбирающій дѣло и произносящій приговоръ, награду или наказаніе, и который по этимъ качествамъ у насъ необходимо раздѣляющимся между многими личностями, будучи высочайше Единый Самъ въ Себѣ, покажетъ во всѣхъ отношеніяхъ одинаковое совершенство; ибо это будетъ совершенство безпредѣльное. Этотъ Судія будетъ сама Правда сама Истина, та самая Истина, которая открыла намъ и самый способъ, какъ она произведетъ свое судъ. Вотъ это откровеніе:

«Когда придетъ Сынъ Человѣческій въ славу своей, и всѣ святые Ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолъ славы своей; и соберутся предъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ; и поставитъ овецъ по правую свою руку, а козловъ по лѣвую. Тогда скажетъ Царь тѣмъ, ко-

которые по правую руку Его: придите благословенные Отца Моего! наследуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. Ибо алкалъ Я, и вы дали Миѣ ѣсть; жаждалъ и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; былъ боленъ, и вы посетили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Миѣ.—Тогда праведники скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили? или жаждущимъ, и напоили?... И Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ: поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Миѣ.—Тогда скажетъ и тѣмъ, которые по лѣвую руку? идите отъ меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Ибо алкалъ Я, и вы не дали Миѣ ѣсть; жаждалъ и вы не напоили Меня.... Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, или жаждущимъ, или нагимъ... и не служили Тебѣ?—Тогда скажетъ имъ въ отвѣтъ: истинно говорю вамъ; поелику вы не сдѣлали сего одному изъ сихъ меньшихъ; то не сдѣлали Миѣ.—И идутъ сѣи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную (Мат. 25, 31—46.)»

Вотъ догматъ о жизни вѣчной и его глубокое отношеніе къ Евангельскому правоученію. Мы старались слабою рукою начертить лишь нѣсколько замѣчаній касательно этого важнѣйшаго предмета; и однакожъ думаемъ, что и въ нихъ достаточно свѣта для всякаго внимательнаго и свободнаго отъ предубежденій ума, чтобы здраво судить при оцѣнкѣ отличительнаго достоинства Религіи, такъ далеко возвышающейя надъ понятіями человѣче-

скими и въ которой въ такомъ множествѣ вѣрныхъ и плодотворныхъ отношеній, въ такой возвышенности и глубокости открывается одна и таже творческая рука, создавшая сердце человѣческое и распростершая сводъ небесный.

ВЗГЛЯДЪ ХРИСТІАНИНА НА СНОВИДѢНІЯ.

Объяснить происхожденіе сновидѣній, раскрыть причины, производящія ихъ, и законы, по которымъ они совершаются,— вотъ задача, рѣшеніемъ которой такъ много занимались и занимаются ученые физиологи и психологи. Нельзя не сознать всей важности этой задачи.—нельзя не видѣть того, что полное раскрытіе этого до сихъ поръ таинственнаго явленія въ жизни человѣка, вполне достойно благородныхъ усилій ума человѣческаго: такое объясненіе, кромѣ того что много сдѣлало бы для науки самопознанія человѣческаго вообще, указало бы въ частности каждому человѣку много сторонъ въ его духовной природѣ, слишкомъ занимательныхъ и назидательныхъ для него. Но къ сожалѣнію всѣ попытки внѣшней учености—вполнѣ прояснить состояніе сна и тайну сонныхъ видѣній доселѣ остаются бесплодными; всѣ теоріи, по этому поводу возникшія, остаются только теоріями, не объясняющими вполне явленія сновидѣній. Считаемъ излишнимъ указывать на эти теоріи и цѣнить ихъ такъ какъ мы слишкомъ далеки отъ притязанія на ученое и болѣе удовлетворительное объясненіе сновидѣній. Цѣль наша иная: указать точку зрѣнія на этотъ предметъ со стороны христіанина и христіанскаго ученія; иначе: мы хотимъ только, при свѣтѣ Бого-откровеннаго ученія и здравой христіанской философіи, по возможности раскрыть, какъ долженъ смотрѣть христіанинъ на сновидѣнія.

на, съ точки зрѣнія христіанской. Пусть внѣшняя мудрость называетъ сновидѣнія праздною игрою празднаго воображенія, либо пустымъ, чуждымъ всякаго значенія воспроизведеніемъ минувшихъ впечатлѣній: христіанинъ, котораго вся жизнь, до малѣйшихъ мгновеній, объемлетъ нравственнымъ христіанскимъ закономъ, смотреть и долженъ смотрѣть на сновидѣнія иначе. Для него и часы сна, и сонныя видѣнія имѣютъ и должны имѣть свое нравственное значеніе. Раскрыть по возможности это значеніе сновидѣній — вотъ цѣль настоящаго изслѣдованія. Но прежде всего мы должны установить, согласный съ Богоутровленнымъ ученіемъ, теоретическій взглядъ на сновидѣнія, чему и посвятимъ первую часть нашего изслѣдованія.

1. Сонныя видѣнія совершаются съ нами во время сна: чтожъ такое сонъ? Еще древняя (языческая) мудрость уподобила сонъ смерти и даже назвала его роднымъ братомъ послѣдней (Овидій). Съ этимъ остроумнымъ уподобленіемъ, въ крайней мѣрѣ въ половину, согласна и здравая христіанская философія, которая въ свою очередь и смерть христіанина называетъ сномъ. Въ самомъ дѣлѣ: аналогія между сномъ и смертію очевидна. Въ состояніи сна связь души съ тѣломъ человѣка ослабляется и какъ бы дѣлается недействительною, подобно какъ въ смерти эта связь совершенно расторгается. Но не будемъ долго останавливаться на этомъ сходствѣ; посмотримъ, что за цѣль этого временнаго ослабленія союза души съ тѣломъ, въ состояніи сна? Чтобы видѣть ее, взглянемъ только на рядъ видимыхъ существъ предъ наступленіемъ ночи, саними Богомъ назначенной для всеобщаго покоя, — и мы увидимъ, какъ все въ ней преклоняется къ общей матери — природѣ, какъ вся живая тварь, утомленная дневными трудами, въ ночи успокоивается на лонѣ общей матери — природы, чтобы изъ общей сокровищницы

ея жизни почерпнуть для себя новыя силы. Таково же
 назначеніе сна и для немощнаго тѣла человѣческаго:
 оно, повинувась общему закону природы, погружается въ
 объятія воспитывающей его матери, чтобы изъ этого об-
 щаго источника жизни почерпнуть новую жизнь для на-
 выхъ трудовъ. Теперь понятно, почему во время сна
 связь души съ тѣломъ дѣлается какъ бы недѣйствительною.
 Что же душа? Отсюда же ясно, что душа, менѣе тѣломъ
 связанная съ тѣломъ, бываетъ въ состояніи сна какъ бы
 свободнѣе, дѣлается болѣе открытою для высшаго духо-
 наго міра. Можно даже сказать, что въ состояніи сна
 душа наша болѣе свободна отъ узъ тѣлесныхъ, бываетъ
 какъ бы ближе къ той области, изъ которой она получила
 начало. Вотъ точка зрѣнія, съ которой первѣе всего до-
 жень смотрѣть христіанинъ на состояніе сна и сонныя
 видѣнія. Что этотъ взглядъ не ложный, не преувеличен-
 ный и истинно-христіанскій, за это ручается исторія Божественнаго
 домостроительства спасенія человѣковъ. Изъ этого только понятія
 о снѣ и сновидѣніяхъ объясняется почему Богъ древле такъ часто,
 и даже большею частію, сообщалъ свои откровенія въ сновидѣніяхъ.
 А этихъ примѣровъ весьма много въ священномъ бытописаніи міра.
 Такъ Авраамъ въ ночномъ видѣніи бесѣдуетъ съ Богомъ
 (Быт. 15). Иаковъ видитъ во снѣ лѣствицу и по ней в-
 сходящихъ и снисходящихъ ангеловъ (Быт. 28, 12—13).
 что было прообразомъ *велией благодетія тайны*. Богъ даже
 являлся во снѣ Соломону: въ первый разъ, чтобы
 даровать ему мудрость, о которой онъ молился; во второй
 чтобы увѣрить, что молитва его услышана (2 Пар. 1 гл.
 3 Цар. 1—4). Иосифъ-обручникъ Пресв. Дѣвы во снѣ по-
 лучаетъ повелѣніе бѣжать въ Египетъ, и потомъ опять
 возвратиться опять въ свою землю (Мат. 2, 13—19). Въ
 обще исторія представляетъ много святыхъ мужей, кото-
 рые бесѣдовали во снѣ съ Богомъ, получали совѣты

предостереженія, — каковы на примѣръ, видѣнія Константи-
на Великаго и Александра епископа Иерусалимскаго (Eus.
lib. IX с. 9; lib. 16 с. 2 et 27). Мало этого, иногда Богъ
желая сообщить свои наставленія людямъ, какъ бы наро-
дно приводить ихъ въ состояніе сна, какъ это бывало
съ пророками. Есть даже примѣры, что Богъ открываетъ
волю во снѣ людямъ обыкновеннымъ, которые даже не
были отъ двора Господня, таковы на примѣръ: откровенія
Авимелеху (Быт. 20. 3), Лавану (Быт. 31. 24), дважды
Исааку (Быт. 28. 12, 13), Исааку (Чис. 22. 8, 9; 24. 34),
Волхвамъ (Мат. 2. 12), Пилата (Мат. 27. 19) и другимъ. Далѣе досточти-
мыя сказанія, хранящіяся въ нашей церкви (Прологи,
Чет. Мин. и проч.) многочисленными примѣрами заставля-
ютъ насъ вѣрить, что именно въ состояніи сна мы
ближе къ міру духовному — къ нашимъ ангеламъ-храните-
лямъ, къ св. Божиимъ челоуѣкамъ и даже вообще къ по-
шланнымъ нашимъ братіямъ. Такъ въ этихъ сказаніяхъ
представляются примѣры явленій людямъ во время сна св.
Годниковъ Божіихъ, которые, бывъ вызываемы молитвою
первыхъ, либо сообщали имъ волю Божию, либо давали
свои наставленія и совѣты. Здѣсь же рассказываются
примѣры, что во снѣ являлись людямъ близкіе имъ, умер-
шые, которые просили молиться о нихъ, либо говорили о
своемъ блаженствѣ, утѣшая и наставляя тѣмъ живущихъ.
Всѣмъ же все это объяснить, какъ не тѣмъ, что мы сказа-
ли выше, — т. е. что души, будучи свободны во время сна
въ впечатлѣній міра вишняго, какъ бы ближе становят-
ся къ міру духовному, а потому легче и безпрепятствен-
но могутъ имѣть съ нимъ общеніе. Это въ особенности
можно сказать о людяхъ возвысившихся до нѣкоторой
степени совершенства въ духовной жизни. Таковы были
св. подвижники благочестія: постомъ и молитвою они воз-
вышались до того, что въ зеркалѣ видѣній ихъ міръ ду-
ховной былъ для нихъ какъ бы осязаемъ. Отсюда не толь-

го міръ ангеловъ хранителей, но и міръ духовъ злобы являлись имъ въ ясномъ свѣтѣ; отсюда св. подвижники благочестія такъ были искусны въ различеніи собственаго состоянія сердца отъ внушеній духовъ и такъ хорошо узнавали внушенія добрыя и злыя. И это не удивительно. Самъ Спаситель говоритъ о духѣ злобы, какъ онъ пришелъ и всѣялъ плевелы среди пшеницы, когда люди спали (Мат. 13. 25).

Послѣ такого взгляда на состояніе сна и сонныя видѣнія, какой мы высказали, неудивительно, что сны бываютъ часто знаменательные и какъ бы пророчесвенные. Извѣстно, что касательно этой знаменательности сновъ существуютъ двѣ крайности: одни слишкомъ много довѣряютъ снамъ, а другіе вовсе не вѣрятъ въ знаменательность ихъ. Христіанинъ держится середины. Подлинно, не основательно и даже опасно вполнѣ довѣрять снамъ (какъ это увидимъ ниже), но и отвергать сны въ духѣ пророческомъ невозможно. И христіанинъ тяжело погрѣшилъ бы противъ истины, если бы во все не признавалъ знаменательности сновидѣній. Потому что сны въ духѣ пророчесвенномъ всегда могутъ быть и часто бывали, какъ свидѣтельствуемъ исторія, наставленіями самаго Промысла, пекущагося о благѣ человѣческомъ. Такъ Авраамъ видѣлъ во снѣ будущую судьбу своего потомства (Быт. 15 г.); Іосифъ видѣлъ два сна, предвѣщавшіе его величіе; изъяснилъ сновидѣнія двухъ впадшихъ въ немилость царедворцевъ, предсказавъ одному смерть, другому возвращеніе къ прежней должности; онъ же изъяснилъ сновидѣнія Фараона, предсказавши семилѣтній голодъ (Быт. 37, 5—10, гл. 40 и 41). Даніиль, котораго само св. Писаніе называетъ разумнымъ во всякомъ видѣніи и соніяхъ (Дан. гл. 1, 17), видѣлъ во снѣ будущую судьбу могущественныхъ монархій древняго міра и изъяснилъ два сна Навуходнозору (Дан. гл. 4 и 7). Многократно Господь откры-

былъ въ сновидѣніяхъ *безвѣстная и тайная премудрости* своего св. мученикамъ. Св. Поликарпъ, напр., за три дня до вступленія въ мученическій подвигъ, видѣніемъ во снѣ горящаго возглавія, предъувѣдомленъ былъ о своемъ сожженіи на кострѣ (Окруж. посл. къ Смирн. Цер. о муч. св. Полиг. г. 5). Св. Кипріанъ получилъ пророческое видѣніе о своей смерти ровно за годъ (Понтій въ жиз. Кипр. гл. 13). Подобно и св. Перпетуя вразумлена была о предстоящей кончинѣ своей (Руин. 1. 207). Скажутъ, можетъ быть, что „такія откровенія во снѣ могли быть и были только людямъ угодившимъ Богу“? Но вспомнимъ, что и Фараонъ видѣлъ знаменательный сонъ о семилѣтнемъ голодѣ въ землѣ своей; вспомнимъ сны Навуходоносора и т. под. Говоря это, мы слишкомъ далеки мысли—твердить слѣпую довѣренность къ сновидѣніямъ. Такая вѣра, часто смѣшная сама въ себѣ, бываетъ, какъ мы замѣтили, слишкомъ опасна для христіанина. Завлекая неговѣрнаго слишкомъ далеко, она всегда оканчивается вреднымъ суевѣріемъ.

Врагъ нашего спасенія не дремлетъ,—онъ весьма искусно пользуются этою слабостію человѣка. Премудрый говоритъ: *яко же смляйся за стѣнь, и гоняй вътры, такоже смляй въру сномъ. . . . Аще не отъ Вышняго послано будетъ на тя посъщеніе, не вдаждь въ ня сердца твоего: мнози бо прельстиша соніемъ и отпадоша надъющеся на ня* (Сир. 34. 2, 6, 7). Іоаннъ Лѣствичникъ, показавъ, какія изощренія употребляетъ діаволь во время сна, говоритъ: *какъ скоро начнемъ вѣрить бѣсамъ въ сновидѣніяхъ,—вругаются они надъ нами и въ бодрственномъ состояніи*“ (Лѣств. сл. 3). Такъ часто и бывало. Благочестивое преданіе сохранило намъ довольно примѣровъ, до какой опасности доводила людей слѣпая, безусловная вѣра въ сновидѣнія (Лавс. въ рус. пер. стр. 241). Расскажемъ одинъ изъ нихъ болѣе замѣчательный: одинъ инокъ имѣлъ не-

счастіе вѣрить во всѣ свои сновидѣнія; диаволь представилъ ему, что всѣ христіане мучатся въ адѣ, а іудеи наслаждаются блаженствомъ въ раю. Инокъ тотчасъ проснулся, ушелъ въ Палестину, принялъ обрѣзаніе и кончилъ жизнь свою въ іудействѣ мучительнымъ образомъ (Учил. благоч. Манев. ч. 2 стр. 13). И такъ, подобныя примѣры пусть предостерегутъ христіанина отъ легковѣрія по отношенію къ снамъ; но съ другой стороны, они же никакъ не должны разубѣждать его въ сказанномъ уже нами, т. е. что бываютъ сны знаменательные, посылаемые человѣку Самимъ Промысломъ для его же собственнаго блага. Истина эта достаточно, какъ кажется, утверждена выше здравымъ христіанскимъ разсужденіемъ и многочисленными примѣрами.

2. Обратимся теперь къ нравственному значенію сновидѣній. Имѣютъ ли сновидѣнія какія либо нравственныя значенія для человѣка? Къ несчастію, немногіе и изъ христіанъ отвѣчаютъ на это утвердительно. Опытъ показываетъ, какъ много людей, которые стараются видѣть въ своихъ снахъ предзнаменованіе будущаго, но за то какъ немногіе обращаютъ вниманіе на отношеніе этихъ сновъ къ своей настоящей и прошедшей нравственной жизни. А это отношеніе сны должны имѣть, и именно—внимательный къ своей нравственной жизни христіанинъ всегда не только найдетъ въ нихъ средства къ нравственному преспѣванію, но и, держась указаній Церкви, будетъ видѣть въ нихъ дѣйствія вмѣняемая, а не безразличныя явленія въ жизни человѣка.

А) Сонъ есть необходимое требованіе природы, и сновидѣнія необходимо сопровождаютъ человѣка; но у природы никогда ничего не бываетъ безъ цѣли и назначенія. И сны, и сновидѣнія, сопровождающія сонъ, имѣютъ свое назначеніе. Тѣмъ болѣе мы имѣемъ права заключать такъ, что сновидѣнія всегда имѣютъ связь съ жизнію дѣйствитель-

тельно: склонности и влеченія, свойственныя человѣку въ бодрственномъ состояніи, почти всегда повторяются въ его снахъ безъ перемѣны. Какое же значеніе сновидѣній въ нравственномъ отношеніи, и слѣдовательно, какое значеніе можетъ извлечь христіанинъ изъ сновидѣній для своей нравственной жизни?

а) Сновидѣнія, какъ повтореніе минувшихъ впечатлѣній въ состояніи бодрственномъ, часто раскрываютъ нравственное состояніе души нашей, приводя насъ въ самочувствіе и самосознаніе. Въ бодрственномъ состояніи, по самообольщенію, мы часто не знаемъ своихъ порочныхъ наклонностей и даже господствующихъ страстей, или не считаемъ ихъ сильными; но сновидѣнія, по связи съ дѣйствительною жизнью, часто выводятъ ихъ на видъ такъ, что все, принятое нами въ бодрственномъ состояніи въ сердце, — все это ясно представляется въ сновидѣніи. Такъ напр. иногда человѣкъ видитъ себя въ образѣ нѣкоторыхъ животныхъ: не есть ли это символическій намекъ на грубыя животныя наклонности, овладѣвшія этимъ человекомъ, хотя бы онъ и не сознавалъ ихъ въ себѣ по самообольщенію! Съ другой стороны, нерѣдко человѣкъ думаетъ, что въ сердце его до того закоренѣло въ порокахъ, что не имѣетъ и искры добра; но сны благостные и отрадные разубѣждаютъ его въ этой скорбной мысли, показывая ему часто, что въ немъ не совсѣмъ еще гасло чувство нравственное, и что онъ не такъ еще близокъ къ совершенному паденію. Вообще часто сновидѣнія какъ бы сказываютъ намъ нашъ характеръ, чѣмъ мы знаемъ его въ бодрственномъ состояніи, давая знать, что въ немъ хорошаго и дурнаго, и способствуютъ къ утвержденію хорошаго. Всякому извѣстно, что мысли, чувствованія и желанія еще не составляютъ характера, доколѣ они частымъ приведеніемъ ихъ въ дѣйствіе, не приняли опредѣленнаго вида. Но во снѣ образы воображенія становятся

предметами, мысль обращается въ дѣйствиѣ, желаніе становится исполненіемъ, такъ что внимательный человѣкъ ясно увидитъ здѣсь образующійся его характеръ. Такимъ образомъ худыя помышленія наши, приведенныя чрезъ сновидѣніе въ исполненіе, уже довольно высказываютъ въ нашемъ будущемъ характеръ перевѣсъ зла надъ добромъ. Такъ сребролюбецъ, который не подозрѣваетъ въ себѣ еще господствующей страсти, видитъ во снѣ кучу золота, хочетъ схватить его, но золото мгновенно превращается въ кучу земли. Вообще: ничтожество грѣховныхъ желаній является въ сновидѣніяхъ во всей наготѣ, тогда какъ эти пожеланія такъ искусно прикрываются въ жизни дѣйствительной, напротивъ добрыя дѣйствія пріятнымъ ощущеніемъ мира.

Б. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? То, что въ сновидѣніяхъ христіанинъ всегда найдетъ, если захочетъ, подкрѣпленіе въ своей нравственной жизни. Въ бодрствованіи состояніи руководятъ нравственную жизнь человѣка внушенія совѣсти. Но эти внушенія бываютъ живѣе, дѣйствительнѣе во снѣ, нежели на яву, потому что въ состояніи сна преимущественно дѣйствуетъ сердце человѣка, воображеніе, а извѣстно, что все, дѣйствующее въ сердцѣ чрезъ воображеніе, особенно бываетъ сильно впечатлительно. Отъ того—то порочныхъ такъ страшно тревожатъ сновидѣнія, въ которыхъ голосъ совѣсти принимаетъ чувственные образы и дѣйствуетъ на все существо человѣка; отъ того—то напр. грабителю или убійцѣ ближнихъ нерѣдко представляются жертвы его преступленій, съ упреками, слезами и угрозами, которыя приводятъ преступника въ большій трепетъ, нежели какой онъ чувствовалъ при совершеніи злодѣянія. Послѣ такихъ сновидѣній голосъ совѣсти получаетъ болѣе и болѣе власти и заставляетъ искать успокоенія въ добродѣтели. Такимъ образомъ происшествія дѣйствительныя полагаютъ основ-

ие сновидѣній, а сновидѣнія служатъ нѣкоторымъ образомъ опорой жизни дѣйствительной, именно: они возмуждають, поддерживаютъ и укрѣпляютъ нравственную чистоту христіанина. Блаженные мужи, такъ пламенно подвизавшіеся на пути спасенія видѣли въ сновидѣніяхъ изображеніе своего внутренняго состоянія и пользовались ими къ своему духовному исправленію. Укажемъ на нѣкоторые примѣры. Такъ одинъ изъ подвижниковъ не могъ равнодушно перенести нанесеннаго ему однажды оскорбленія, хотя усугубилъ свою молитву и псалмопѣніе, чтобы побѣдить тѣмъ оскорбленное самолюбіе. И вотъ во снѣ увидѣлъ онъ птицу безкрылую, у которой недоставало половины тѣла и даже половины головы, а между тѣмъ, казалось спящему, что птица поднялась какъ—то на деревья и пѣла весьма пріятно. Проснувшись, онъ изъяснилъ этотъ сонъ такъ: эта безобразная птица есть мое подобіе; это значитъ я, потерявъ терпѣніе, потерялъ столько, что оказался безобразнымъ, хотя и молюсь и совершаю пѣснопѣнія. Другой часто видѣлъ себя нагимъ, и поэтому говорилъ себѣ: эта нагота тѣла означаетъ мою духовную наготу; по этому мнѣ надлежитъ усугубить мое покаяніе, чтобы не подпасть участи раба непотребнаго, котораго обнажатъ и ввергнуть во тму кромѣшную (Пролог. Авг. 9 дня). Такъ смотрѣли внимательные подвижники на сновидѣнія!—И такъ неоспоримо, что сновидѣнія могутъ быть средствами къ нравственному усовершенствованію.

В. Остается сказать, какъ смотрѣть на нравственную чистоту сновидѣній: есть ли сновидѣнія—дѣйствія чистыя для человѣку? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ болѣе частью отрицательно, на томъ основаніи что суду нравственнаго закона подлежатъ только поступки свободныя (это общее правило при оцѣнкѣ поступковъ), а сновидѣнія совершаются безсознательно и независимо отъ свободнаго воли. Совершенно иначе рассуждаетъ христіанинъ. Вникая

въ требованія нравственнаго закона, изслѣдуя самыя свойства сновидѣній (что отчасти мы уже сдѣлали), и наконецъ, имѣя въ виду св. наставленія Церкви, каждый христіанинъ непремѣнно долженъ придти къ увѣренности, что сновидѣнія вѣрныя.

а) Эту истину утверждаютъ обширность и свойства нравственнаго закона христіанскаго. Обязательная сила нравственнаго закона простирается на всю жизнь христіанина и нѣтъ въ ней такихъ мгновеній, въ которыхъ христіанинъ могъ отказаться отъ его взысканій. Вся жизнь христіанина должна быть, по словамъ Апостола, во славу Божию: *Аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10. 31). Нравственный законъ внушаетъ каждому очищать себя *отъ всякой скверны, плоти и духа* (2 Кор. 7, 1); его оцѣнкѣ подлежатъ не говоря о дѣйствіяхъ, самыя слова, мысли, чувства и желанія (Мат. 5, 28; 12, 36; Ефес. 5, 3), а слѣдовательно и самыя часы отдохновенія, потому что они должны укрѣплять наши силы и настраивать ихъ къ нравственной дѣятельности. Душа наша дѣйствуетъ и во снѣ, какъ существо духовное, прекращеніе ея дѣятельности, по справедливому замѣчанію одного психолога, было бы тоже, что прекращеніе самаго существованія души. (Псих. Астроп. Шульцъ. Отд. V. § 244). Опять напомнимъ здѣсь, что въ сновидѣніяхъ проходитъ почти половина нашей жизни; ужели же половина нашей жизни будетъ свободна отъ суда нрав. закона? Но, говорятъ, дѣятельность души не такова во снѣ, какъ въ яву?

б) Правда, во время сна, когда тѣло успокоивается, душа не живетъ вполне разумною жизнію, какъ въ бодрственномъ состояніи: умъ теряетъ свободу и основательность мышленія, воля—господство надъ человѣкомъ. Но въ этомъ состояніи человѣкъ не дѣлается существомъ, подлежащимъ закону необходимости, какою мы видимъ

въ міръ физическомъ: его не оставляютъ, по крайней мѣ-
 рѣ, и во снѣ самосознаніе и сила представленій, такъ что
 представленія сновидѣній онъ признаетъ своими. По крайней
 мѣрѣ припомнимъ сказанное выше: жизнь души во снѣ
 большею частію продолженіе и повтореніе жизни
 бодрственной; даже и въ тѣхъ сновидѣніяхъ, которыя, по
 видимому, вовсе не похожи на прошедшую дѣйствитель-
 ность, есть хоть нѣкоторыя черты изъ минувшей дѣя-
 тельной жизни: воображеніе само не создаетъ, а всегда
 имитируетъ черты изъ предметѣвъ только видѣнныхъ.
 Мало этого: во время ночнаго покоя въ душѣ нашей, съ
 закрытіемъ чувственныхъ органовъ, глубже напечатлѣва-
 ются всѣ помыслы, представленія и желанія, какія ражда-
 ются въ продолженіе дня и, такъ сказать, претворяются
 въ ея духовное существо. Такимъ образомъ дѣйствія,
 свойственныя бодрственному состоянію, раждаютъ сонныя
 сновидѣнія, и если первыя непременно вмѣняемы намъ по
 суду нравственнаго закона, то прямое слѣдствіе, что и
 послѣднія не чужды этой вмѣняемости. Подобіе дѣйствій
 того послѣдняго рода мы видимъ и въ бодрственномъ со-
 стояніи; таковы напр. вообще поступки людей, водимыхъ
 страстями и въ частности—поступки человѣка находяща-
 гося въ опьяненіи. Здѣсь человѣкъ дѣйствуетъ не свобод-
 но, по крайней мѣрѣ, безъ полнаго сознанія; но ему вмѣ-
 няются его поступки; потому что, напр., человѣкъ въ опь-
 яненіи дѣлаетъ большею частію то, къ чему приготовленъ
 былъ въ трезвомъ состояніи, только онъ не имѣлъ духа
 исполнить этого въ состояніи нормальномъ. Такъ бываетъ
 и во снѣ. Если намъ представляются во снѣ картины не-
 чистыя, мы отвѣщаемъ предъ нравственнымъ закономъ;
 потому что испортили свое сердце и воображеніе, а отъ
 насъ зависитъ то и другое хранить въ чистотѣ. Безъ сом-
 нѣнія, у кого мысли, чувства и дѣйствія бывають чисты,
 всегда согласны съ нравственнымъ закономъ въ бодрст-

венномъ состояніи, у того и сны большею частію бываютъ мирные и чистые. По этому напр. благотворитель и во снѣ часто раздаетъ милостыню и утѣшаетъ несчастныхъ правосудный защищаетъ невинность, заботливый отецъ семейства обезпечиваетъ состояніе близкихъ сердцу и пр. Не напрасно говорятъ, что сонъ праведника есть молитва. А порочный и во снѣ слѣдуетъ внушеніямъ своихъ страстей (Сир. 34, 3, 4). Честолюбцу представляются чины и почести, сластолюбцу вкусные столы, разсѣянному игра, зрѣлища и разныя увеселенія. Напрасно нѣкоторые слагаютъ всю вину на воображеніе, будтобы оно безъ нашего вѣдома соблазняетъ насъ нечистыми видѣніями. Но воображеніе само по себѣ не имѣетъ силы; если душа отвращается извѣстной каргины, воображеніе не можетъ навязать намъ ее. Дѣйствительно бываютъ во снѣ такія мысли, которыхъ, кажется, мы не имѣли никогда въ бодрственномъ состояніи, но это отъ того, что на ихъ явленіе мы не обращали должнаго вниманія, а онѣ все таки когда либо западали въ нашу душу. Кто въ состояніи даетъ отчетъ во всѣхъ мысляхъ, которыя волновали его въ теченіе извѣстнаго времени, даже цѣлаго дня? Исключенія по видимому, представляются намъ въ примѣрахъ подвижниковъ благочестія, которыхъ часто, по попущенію Божію, искушали въ сонныхъ видѣніяхъ духи злобы, приносившіе съ собою и мысли изъ міра темнаго. Но спрашивается, не сами ли подвижники благочестія часто, если не всегда, подавали поводъ къ искушеніямъ? Не были ли бѣсовскія нападенія большею частію слѣдствіемъ собственныхъ паденій праведниковъ? И такъ неоспоримо, что худые сны имѣютъ источникомъ своимъ испорченное сердце, отъ котораго исходятъ *всѣ помышленія злобы* (Мат. 12. 35). Мы вполне убѣдимся въ доказываемой истинѣ, когда припомнимъ слѣдующій случай: порочныя сны и видѣнія и во снѣ сопровождаются сильными упреками со

бести, которые не рѣдко доходятъ до такой степени безпокойства, что мы отъ нихъ пробуждаемся; страшные помысли и преступленія поселяютъ въ душѣ нашей такой страхъ, какаго, кажется, не почувствовали бы мы и при совершеніи ихъ. Еслибы сновидѣнія были нравственно безразличны: то откуда же это безпокойство души? Правда, человѣкъ бываетъ часто равнодушенъ и къ самымъ дурнымъ сновидѣніямъ, но отъ чего это? Не доказываетъ ли это равнодушіе, что порокъ сильно укоренился въ душѣ человѣка и обратился въ привычку? Мало ли людей, которые очень часто и въ бодрственномъ состояніи чувствуютъ упрековъ совѣсти?!...

в) Но оставимъ собственныя соображенія касательно этого предмета. Сама св. Церковь окончателно убѣждаетъ насъ въ томъ, что сны вмѣняемы. Именно, пригласивъ чадъ своихъ къ ночному покою, св. Церковь начерпала къ тому особенныя правила и молитвы. Въ правилѣ своихъ она повелѣваетъ ограждать мѣсто упокоенія собственнымъ знаменіемъ, и внушаетъ: „со слезами Творца моего милостива моли, да настоящую ночь тихую, безмятежную, неблазную и безгрѣшную даруетъ“. (Прав. на сонъ Панд.) Повелѣваетъ каждому изъ своихъ членовъ нечистыя сновидѣнія съ сокрушеннымъ сердцемъ омыватъ слезами покаянія (мол. отъ оск.). Она же даетъ особенныя молитвы отъ отверженія: „внегда случится кому искутитися во снѣ отъ дѣйству діаволу“. Въ своихъ молитвахъ на сонъ грядущимъ просить для спящихъ покровительства Ангела хранителя (Мол. 4 св. Мак.) и молить Бога сохранить спящихъ отъ сновидѣній порочныхъ: „И даждь намъ, Владыко, на сонъ грядущимъ, покой тѣла и души, и сохрани насъ отъ мрачнаго сна грѣховнаго и отъ всякаго темнаго ночнаго сладострастія „(на вел. вечер. мол. Антіоха Панд). „Подоби, Господи, въ ночь сію безъ грѣха сохранитися намъ“ (на вел. повеч) и пр. Въ молитвахъ утреннихъ или

приноситъ благодареніе Богу за то, что Онъ далъ намъ
 “мимошедшее время ноши сѣя безъ напасти и преити отъ
 всякаго зла противна“ (Мол. 4 св. Мак.), или молить про-
 стить и согрѣшенія прошедшей ночи (Мол. 9 Анд. Храб.).
 Изъ всего этого видно, что Церковь смотритъ на сновидѣ-
 нія, какъ имѣющія вліяніе на нашу нравственную жизнь,
 иначе нельзя представить цѣли, для которой она положи-
 ла такія правила и составила такія молитвы. По крайней
 мѣрѣ никто такъ ясно не понималъ этой цѣли, какъ па-
 тыри церкви, а они строго всегда запрещали приступать
 къ св. тайнамъ всѣмъ, кто только подпадалъ въ предше-
 ствующую ночь искушеніямъ въ снѣ по дѣйству діавола
 (Лавс. Палл. Емон. С. П. Б. 1850 г. стр. 198):

Таковъ истинный взглядъ христіанина на сновидѣ-
 нія!

ВЪ ПАМЯТЬ

ОБЪ ІАКОВѢ ПЕТРОВИЧѢ БОНДАРСКОМЪ,

(и скрѣпѣ)

11 минувшаго апрѣля, во вторникъ страстной
 седмицы, скончался одинъ изъ старѣйшихъ и за-
 служеннѣйшихъ протоіереевъ Тамбовской епархи-
 — протоіерей Знаменской г. Тамбова церкви, членъ
 Тамбовской духовной консисторіи и духовника
 градскаго духовенства **Іаковъ Петровичъ Бондарскій**.
 Состоявъ непрерывной службѣ Церкви и обществу
 больше 46 лѣтъ, покойный умеръ на 70 году
 жизни, сохранивъ до послѣдней—роковой болѣзни
 всю свѣжесть силъ, свойственную благоустроен-
 ной старости, всю ясность мысли, всю энергію по-
 стоянно-дѣятельнаго, трудового человека. Между

тѣмъ, въ теченіе своей долговременной служебной дѣятельности, онъ несъ весьма многочисленныя и разнообразныя службы.

Покойный о. протоіерей окончилъ курсъ наукъ въ Тамбовской семинаріи въ 1820 году, съ степенью студента, и опредѣленъ былъ учителемъ въ духовное училище. Въ 1822 году онъ посвященъ былъ во священника къ Варваринской г. Тамбова церкви, а въ 1848 году перемѣщенъ въ настоятеля Знаменской четырехштатной церкви. Почти съ самаго начала священства покойный, вмѣстѣ съ священническою должностію, несъ разныя службы и обязанности. Особенно же постоянныя его были должности: законоучителя—сперва въ приходскомъ, потомъ уѣздномъ Тамбовскомъ училищахъ, а за тѣмъ въ Тамбовской губернской гимназіи и—члена консисторіи. Такъ, должность законоучителя училищъ и гимназіи онъ несъ 36 лѣтъ (съ 1863 года оставилъ эту службу съ полною пенсіею); должность члена консисторіи—33 года. Въ послѣдніе три года онъ состоялъ въ должности духовника, по избранію Тамбовскаго епархіальскаго духовенства. Мы не говоримъ о многочисленныхъ временныхъ должностяхъ и порученіяхъ начальства, какія принималъ и со всею точностію выполнялъ покойный о. протоіерей. Какъ человѣку знающему и добросовѣстно—честно ведущему свою службу, ему постоянно поручались временныя обязанности слѣдователя по духовному ведомству, депутата съ духовной стороны въ свѣтскихъ присутственныхъ мѣстахъ, члена разныхъ временныхъ комитетовъ, увѣщателя и проч. и проч. Понятное дѣло, что начальство, поручая покойному разнаго рода должности, умѣло и награж-

дать точнаго исполнителя разныхъ его порученій и службъ. Такъ съ 1840 года онъ служилъ церкви Божіей—въ санѣ *Протоіеря*; за тѣмъ получивъ по порядку наградъ, присвоенныхъ духовенству всѣ обыкновенныя награды, онъ въ 1860 году Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й ст., Императорскою Короною украшенному. Рядъ наградъ законченъ въ 1864 году св. Синодомъ, возложеніемъ на него *палицы*.

Желая почтить память покойнаго о. протоіеря нѣсколькими строками, мы не беремъ на себя обязанности его біографа; поэтому считаемъ лишнимъ изчерпывать его, такъ называемый послужной списокъ: его душа, характеръ, строй жизни, неутомимость и честность его долговременнаго служенія Церкви и обществу,—вотъ для насъ послужной списокъ покойнаго, неизгладимо начертанный въ душѣ cadaго, знавшаго его. А кто не зналъ кроткаго, почтеннаго старца Іакова Петровича?— (*)

Какъ много было кротости, мягкости души, такъ называемой *сердечности* въ покойномъ — это хорошо зналъ каждый, кто только имѣлъ какое нибудь, хотя случайное, соотношеніе съ нимъ. Особенно же эту кротость и сердечность покойнаго слишкомъ хорошо понимали его прихожане, а такъ же низшіе подчиненные ему члены причта. Не разъ слышишь и доселѣ отъ самыхъ повидимому грубыхъ по воспитанію людей, бывшихъ его прихожанъ, какъ выражаютъ они свое сочувствіе къ почившему.

(*) Считаю не лишнимъ замѣтить, что покойнаго иначе не называли заочно, какъ именемъ и отчествомъ, тогда какъ обыкновенно другихъ людей заочно величаютъ большею частію одною фамиліею. По нашему, это знакъ особенно-теплага уваженія къ доброму и любящему человеку.

Большо уже хорошій былъ священникъ, говоритъ на-
прим. простолюдинъ—бывшій его прихожанинъ,—
какъ жалъ его . . . и проч. Чтоже касается до со-
служившихъ съ нимъ и подчиненныхъ ему чле-
новъ причта, каждый изъ нихъ, положа руку на
сердце, скажетъ, что онъ никогда не слышалъ
изъ устъ покойнаго не только жесткаго, обиднаго
слова, а и слишкомъ строгаго замѣчанія. Низшимъ
членамъ причта дѣлалъ онъ замѣчанія всегда
кроткія, за опущеніе службы, или за небрежное,
особенно по Уставу Церковному, исправленіе цер-
ковной службы.— Нѣтъ сомнѣнія, что добрый,
кроткій отъ природы, покойный о. протоіерей по-
стоянно старался възрѣвать этотъ даръ любви
и доброты молитвою, неустаннымъ церковнымъ
Богослуженіемъ, и особенно Богослуженіемъ Ли-
тургіи. Любилъ церковь и церковную службу по-
койный, и совершалъ ее, какъ подобаетъ истин-
ному іерею Божію. Пользуясь большею частію
здоровьемъ, о. протоіерей букваль-
но не опускалъ ни одной церковной и праздни-
чной (*) службы, а въ будни ни одной очередной
литургіи. Особенно принесеніе безкровной жертвы
—служеніе литургіи было истинною пищею благоче-
стивой души покойнаго. Часто даже въ небольшой
праздникъ, когда можно было отслужить одну (ран-
нюю) литургію очередному священнику, покойный
о. протоіерей считалъ нужнымъ и часто самъ не
въ очередь приготавливался отслужить другую, позд-
нюю литургію. А какъ совершалъ онъ литургію!
съ какимъ благоговѣніемъ предстоялъ Престолу

Въ дни будничные покойный занятъ былъ отъ утра до вечера своими
должностями; поэтому не всегда, исключая очередной седмицы, могъ
быть въ храмѣ.

Божію!! Какъ часто приходилось видѣть на кроткомъ, спокойномъ лицѣ священнодѣйствующаго о. протоіерея слезы, которыя тщетно старался скрыть онъ, особенно въ торжественныя минуты присутствія св. Даровъ!! Сь неменьшимъ тщаніемъ и усердіемъ относился покойный и къ прочимъ таинствамъ и богослуженіямъ церковнымъ. Въ избытокъ въ домахъ прихожанъ, особенно же напутствованія больныхъ, совершались имъ безъ малѣйшаго замедленія. Мы не думаемъ, чтобы во все долговременное служеніе свое Церкви и нуждамъ пасомыхъ, покойный хоть кого-либо изъ больныхъ заставилъ пороптать на медленность его посѣщенія, не говоримъ уже объ опущеніи столь важной службы. Пишущему эти строки не разъ приходилось слышать изъ устъ покойнаго совѣтъ— *болѣе всего дорожить обязанностію напутствованія умирающаго...* Въ послѣднюю эпидемію въ г. Тамбовѣ (въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ 1866-67 г.) онъ не давалъ себѣ покоя отъ этихъ требъ, и здѣсь-то какъ самъ онъ говорилъ недѣли за 3 до кончины надломилась его старческія силы; давнишняя болѣзнь, легко проходившая доселѣ отъ припавшихъ легкихъ мѣръ, усилилась, и свела его въ могилу. Вообще,—точность, исполнительность обязанностей, и въ особенности обязанностей христіанскаго священника, были отличительною чертою его жизни. Больше всякаго молодого дѣятеля онъ горѣлъ любовью къ дѣлу и исполнялъ его добровольно, точно, безъ ропота или тягости. Это было какъ челоуѣкъ, въ собственномъ смыслѣ— *человѣкъ дѣла*, какъ священникъ— *истинный іерей Божій* ревностно паскій стадо Христово. Каждый день можно сказать, каждый часъ у него были расче-

таны; отъ этого такъ гармонически, безъ пропуска, сочетались все его разнообразныя дневныя службы. Занятія по классамъ гимназій, требовавшія всегда пунктуальной точности, безъ всякой натянутости совмѣщались съ занятіями по консисторіи, что всего удивительнѣе, съ службами церковными и требами по приходу, которыя такъ часто бывають внезапны. И все это о. протоіерей выполнялъ спокойно, безъ запальчивой поспѣшности: Богъ подавалъ спорость его дѣлу!

Не правда ли, что образовать въ себѣ такого неутомимаго и многосторонняго дѣятеля, трудиться постоянно, почти втеченіе полу столѣтія — и не пасть подъ бременемъ труда, или не обратиться въ машину, только машинально сльвущую за дѣятеля, способенъ далеко не каждый, хотя бы кто владалъ и самыми крѣпкими физическими силами? Неправда ли, что въ этомъ отношеніи покойный можетъ служить далеко недюжиннымъ образцомъ для всякаго, самаго даровитаго молодого дѣятеля? Кстати любопытно, какъ самъ покойный рассказывалъ начало своей, впоследствии очень многосложной, служебной дѣятельности, когда онъ еще только принялъ на себя священническое служеніе. Однажды, давая легкій совѣтъ одному молодому священнику — не упускать всякой приличной священнику посторонней службы, чтобы не было доступа праздности, покойный говорилъ о своей службѣ по гимназій: «Съ начала священнической службы я не зналъ, чѣмъ наполнить праздное время. Послѣ службы въ церкви, послѣ исправленія, если случатся, требъ по приходу, я понемногу читалъ, домою занимался: и все-таки свободнаго времени было много. И какъ

«я боялся праздности вѣдь она—мать пороковъ! . . . И вотъ мнѣ предлагаютъ взять уроки по Закону Божию въ приходскомъ училищѣ; жалованья—то было 50 руб. асс. въ годъ. И что же? какъ я обрадовался, что есть дѣло, что убѣгу отъ губельной праздности! . . . И вотъ впоследствии вмѣсто 50 руб. асс., сталъ получать 600 р. «сер. отъ гимназій»!

Рѣдкій по неутомимой дѣятельности, покойный Яковъ Петровичъ выработалъ въ себѣ особенно рѣдкій характеръ—характеръ ровный, сдержанный, ничѣмъ невозмутимый, христіански-терпѣливый. Покойнаго никто и ничто не могло раздражить; правда, раздраженіе иногда уже отъ невыносимыхъ колкостей замѣтно мелькнетъ на лицѣ въ глазахъ, какъ бы потрясетъ его весь организмъ его (знакъ, что отъ природы и онъ былъ способенъ былъ раздражаться, но онъ умѣлъ выработать терпѣніе): но все это исчезаетъ мгновенно даже бываетъ и не для всѣхъ замѣтно. Спокойное, кроткое состояніе души снова овладѣваетъ о. протоіереемъ. Изъ многочисленныхъ фактовъ намъ припоминается одинъ разительный случай. Въ одинъ изъ храмовыхъ праздниковъ, когда священноцерковнослужители обыкновенно ходятъ по домамъ прихожанъ, о. протоіерей, какъ настоятель причта, не угодилъ одному прихожанину тѣмъ, что позже, чѣмъ къ другимъ, прибылъ къ нему съ причтомъ. Хозяинъ принялъ причтъ; но, попросивши сѣсть, начинаетъ много и громко говорить противъ о. протоіерея, задѣваетъ затѣмъ и консисторію, гдѣ покойный состоялъ членомъ. Мѣняется лице старца, заслуженнаго протоіерея: но онъ выдерживаетъ съ удивительнымъ терпѣніемъ на-

тискъ, или отвѣчаетъ спокойно, или пропускаетъ
многіе факты мимо. . . . И въ результатъ остается
прежняя пріязнь между отцемъ протоіеремъ и
прихожаниномъ.— Не удивительно, что такая
сдержанность и терпѣливость, соединенныя съ
точнымъ исполненіемъ обязанностей, привлекали
къ нему и довѣріе начальства, и любовь общест-
ва. При 8-ми архипастыряхъ служилъ покой-
ный: и каждый изъ нихъ отличалъ отца протоіе-
рея своимъ довѣріемъ, каждый цѣнилъ въ немъ
вѣстность, трудъ и терпѣніе.

Къ памяти покойнаго не лишне было бы при-
звать что-либо изъ его домашней жизни.
Но жаль, что мы не посвящены въ его домашніе
дѣла, въ тайны его домашней, кабинетной жи-
зни. Знаемъ только, что покойный, отличаясь са-
мою строгою, регулярною жизнью, былъ во всемъ
тщательнъ и бережливъ. Онъ не любилъ пировъ, не
любилъ бросать на воздухъ трудовой копѣйки: да
и некогда ему было этого дѣлать, и не къ тому
настроилъ себя съ молодости. Свою домашнюю
бережливость и экономію покойный простиралъ и
на храмы (Варваринскій и Знаменскій), въ кото-
рыхъ онъ служилъ; вслѣдствіе этого храмы эти
долго останутся памятниками благоразумнаго
управленія ими о. протоіерея.

Покойный не долго страдалъ на болѣзнен-
номъ одрѣ. Почувствовавъ болѣзнь еще съ первой
недѣли Великаго Поста, онъ все перемогался;
черезъ силу отправилъ свою очередную седмицу *Кре-*
стопоклонную, хотя, какъ слышали мы, едва могъ
дойти отъ своего дома до храма, и однажды
даже упалъ на пути. 25 марта, въ день Благовѣ-
щенія, отслужилъ послѣднюю литургію. И въ

5 часовъ утра страстной седмицы его не стало! Миръ праху твоему, добрый человекъ и христіанскій пастырь! ! . . .

Знаменскій Священникъ Юаннъ Сладкопльцевъ.

ПЛОДЫ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

Кто любитъ своего сына, тотъ держитъ его подъ лозою, чтобъ въ послѣдствіи радоваться о немъ. Кто строго воспитываетъ своего сына, тотъ получаетъ отъ него пользу. Лозка дитя, и оно поразитъ тебя ужасною ирай съ нимъ и оно опечалитъ тебя. Не дай ему власти въ юности и не пропусти его погрѣшностей (Премудр. Ис. сына Сирах. гл. 30, ст. 1. 2. 9 и 11).

Первая и самая главная обязанность родителей въ отношеніи къ дѣтямъ состоитъ въ томъ, чтобы они давали имъ доброе воспитаніе, не оставляли безъ вниманія ихъ шалостей и пороковъ, но исправляли приличными наказаніями. Премудрый сынъ Сираховъ говоритъ, что въ дѣлѣ воспитанія дѣтей наказаніе необходимо: имъ только и отскакаются дикіе побѣги своеумудрія и своеволія въ дѣтяхъ, невидавшихъ еще жизни. Впрочемъ наказанія эти не всегда должны состоять въ лозахъ, которыя нерѣдко дѣлаютъ дѣтей застѣнчивыми, робкими; мертвятъ и убиваютъ юныя способности дитяти, ослабляютъ благородное чувство, а иногда болѣе ожесточаютъ, чѣмъ исправляютъ. Благоразумные родители пользуются симъ средствомъ только въ самой крайней необходимости, а стараются дѣйствовать на своихъ дѣтей бо-

убѣжденіями, чѣмъ принужденіемъ. Даже мѣду понудительными средствами розги занимаютъ у нихъ послѣднее мѣсто, и никогда не употребляютъ они ихъ съ гнѣвомъ, бранью и проклятiями. Добрый примѣръ самихъ родителей есть вѣрнѣйшее средство и къ воспитанію и къ исправленію дѣтей. Слово—*лоза* въ приведенныхъ словахъ Иисуса сына Сирахова, какъ и въ Притчахъ, (13, 24, 23, 13) принимается въ значеніи строгости благоумнаго наказанія, и противопоставляется неразумному ласканію дѣтей, (ст. 7. 9) по слѣпой любви къ нимъ, не замѣчающей за ними никакихъ пороковъ. Но оставлять дѣтей безъ всякаго страха наказанія, очень не хорошо; подобное воспитаніе всегда сопровождается худыми послѣдствіями; этому мы можемъ представить десятки примѣровъ; но на первый разъ довольно и тѣхъ, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь.

Два семейства государственныхъ крестьянъ представляютъ собою поразительное, въ этомъ отношеніи, явленіе. Одно семейство, весьма богатое, жило и держало себя на барскую ногу; другое, весьма бѣдное, жило трудами матери своей вдовы, занимавшейся продажей гречишниковъ и салачей собственнаго ея издѣлія. Но подъ конецъ жизни они какъ будто помѣнялись своею участію; первое упало, разорилось и уничтожилось самымъ трагическимъ образомъ, а второе процвѣло.

Богатый однодворецъ Павелъ Николаевичъ Ш. имѣлъ домъ просторный—комнатъ въ десять; предбанникъ занималъ десятинахъ на двухъ; надворнаго строенія у него было много, и все оно было крыто тесомъ. И домъ у него былъ, какъ говорится,

полная чаша изобилія: одной серебряной посудой было, какъ говаривала его супруга Стефанида Феевна, пудовъ до двухъ. Трехъ сыновъ своихъ питаль онъ и одѣваль по-барски; но совсѣмъ не обращаль вниманія на ихъ шалости и не заботился о развитіи въ нихъ добрыхъ качествъ. Обидѣтъ сосѣдей—стариковъ сквернымъ словомъ; приколотить ни за что ни про что сосѣднихъ дѣтей, обобрать плоды въ чужомъ саду, замучить цыпленка котенка, щенка,—все это для нихъ ничего не значило; и отецъ восхищался этими ихъ поступками и всегда старался оправдывать ихъ тѣмъ, что они еще малы, взыскивать эти шалости значить дѣлать ихъ робкими, застѣнчивыми, не давая развиваться ихъ способностямъ. Сверхъ того, находилъ удовольствіе, напоивши ихъ пьяными, смотрѣть, какъ они шатались изъ стороны въ сторону, и слушать, кто изъ нихъ ловче и нахальнѣе выберется крѣпкимъ словцомъ,—до чего впрочемъ и самъ былъ охотникъ, а выпить любила и его дражайшая половина. Что же касается до ихъ религіознаго воспитанія, то, кажется, Павлу Николаевичу не приходило и въ голову слѣдить за своими дѣтьми—бываютъ ли они въ храмъ Божіемъ, слушаютъ ли что тамъ читаютъ и поютъ кто и какъ держитъ себя въ храмъ Божіемъ?—На все это не обращалось вниманія.—

Стали подростать дѣтки; настала пора подумать и о женитьбѣ старшаго сына Юсифа. Скоро нашлась и невѣста, невѣста—дворянка съ землей и крестьянами; нельзя было ей не соблазниться въ шнимъ блескомъ женихова богатства. Свадьба сыграна на славу и они начали жить да поживать чрезъ годъ Богъ далъ имъ дочку. Отецъ, чтобъ

идѣть въ сынѣ способность къ торговлѣ, даль-
 му часть капитала въ полное его распоряженіе и
 поселилъ его на житье въ особомъ флигелѣ. Но
 торговля ему не далась; а страсть къ пьянству, къ
 разгульной по трактирамъ жизни развилась въ
 высшей степени,—и капиталъ, данный ему отцемъ,
 скоро исчезъ. Нужно было приняться за состоя-
 ніе жены. Подъ разными благовидными предло-
 женіями успѣлъ онъ изъ этого состоянія продать землю
 и нѣсколько душъ крестьянъ и вырученныя день-
 ги пустить, что называется, по вѣтру. Задумалъ
 онъ продать остальные четыре души и по выгодѣ
 — въ рекруты. Жена возетала противъ этого,
 возетала крѣпко. Раздраженный ея стойкостію
 онъ схватилъ со стѣнки ружье и въ бѣшенствѣ
 стрѣлилъ въ нее. Зарядъ ксчастію не попалъ въ
 плечу: но находившаяся между ними съ неболь-
 шимъ двухлѣтняя дочка, говорившая уже хоро-
 шо, отъ испуга упала въ обморокъ и лишилась я-
 зыка,—безъ языка она осталась и на всю жизнь.
 Несчастная жена не могла устоять противу безум-
 ности мужа,—остальные крестьяне были проданы
 и деньги прокучены. Отецъ, видя беспорядочную
 жизнь своего сына, думалъ исправить его, купилъ
 ему домъ и отдѣлилъ его отъ себя; но и это от-
 вѣрное достояніе не пошло въ прокъ. Оставшись
 съ гроша, онъ (впрочемъ послѣ смерти отца)
 пошелъ въ бурлаки и пропалъ безъ вѣсти. Жена
 осталась безъ копѣйки и безъ теплаго угла, принуж-
 денна была съ своею нѣмою дочкою, питаться уже
 руками своихъ рукъ; но недавно могила избави-
 ла ее отъ горя и слезъ; а что случилось съ ея до-
 чкою,—миѣ неизвѣстно.—

По дросѣ и другой сынъ Петръ. Рано разви

лись въ немъ дурныя страсти. Пьянство, распутство и буйство видимо стали сокращать отцовскій капиталъ. Въ пьянствѣ соучащицею ему была мать его. Отецъ, чтобы удержать своего сына отъ такихъ гнусныхъ страстей, а вмѣстѣ и свой капиталъ сохранить отъ напрасной траты, сталъ было употреблять и строгія мѣры, жестоко наказывалъ его; не щадилъ при этомъ и жены своей, когда находилъ ихъ обоихъ пьяными. Но эти позорныя мѣры не исправили, а только ожесточили развращенное сердце сына: въ головѣ семнадцатилѣтняго негодяя зародилась мысль лишить жизни отца. Въ пьяномъ видѣ открылъ онъ свое злодѣйское намѣреніе пьяной своей матери; и она не только не остановила его, а напротивъ одобрила это намѣреніе и прибавила при семъ, что, по смерти отца, они останутся полными хозяевами всего состоянія и имъ будетъ на что покутить. Ободренный словами матери, Петька (такъ звали его соседи) немедленно сталъ отыскивать себѣ товарища, который помогъ бы ему совершить задуманное злодѣяніе. Товарищъ скоро нашелся; работникъ ихъ Акимка согласился на приглашеніе Петьки, и послѣдній обѣщался уплатить ему, за его героическіе труды, 25 р. ассигн., купить поярковую шапку, сшить китайчатые халатъ и шальвары и александринскую красную рубашку. Оставалось имъ найти удобный случай исполнить свое злодѣйское намѣреніе. И случай представлялся было, по израсчету, самый удобный. Старикъ, болѣе для собственного удовольствія, нежели для выгоды, занимался пчеловодствомъ.—Пчельникъ у него стоялъ не на совсѣмъ удобномъ мѣстѣ.—Случился въ лѣсу пожаръ и пчельникъ у него сгорѣлъ; старикъ

стала искать другое, болѣе удобное для пчельника мѣсто; мѣсто найдено гораздо ближе прежняго—верстахъ въ четырехъ отъ двора; немедленно пчельникъ былъ обнесенъ заборомъ, построены мшаникъ и изба; оставалось освятить пчельникъ и перевести пчелъ. Старикъ приказываетъ Петькѣ отправиться на пчельникъ впередъ и пригласить священноцерковнослужителей другаго ближайшаго къ пчельнику села, чтобъ отслужить молебень съ водоосвященіемъ. Петька отправился, взявъ съ собою и Акимку въ той мысли, чтобы священноцерковнослужителей не приглашать, а дожидаться прибытія отца и убить его. Но старикъ пріѣхалъ на пчельникъ не одинъ, а пригласилъ съ собою соседа, съ которымъ онъ жилъ по пріятельски.— Не подозрѣвая ихъ злодѣйскаго умысла, старикъ только побранилъ ихъ за ихъ неprovорство, и тотчасъ отправилъ ихъ за священникомъ. Отслужили молебень, окропили все святою водою, пошировали, какъ водится, на новосельи, и всѣ благополучно возвратились домой.

Эта неудача не разстроила намѣренія Петьки съ работникомъ; они ожидали удобнаго случая еще въ слѣдующій годъ. Въ 1834 году Пасха была поздняя (она была 22 Апрѣля); сдѣлалось тепло и сухо еще на 5 недѣль великаго поста.—Почему старикъ рѣшился вывезти пчелъ изъ двора на пчельникъ началъ 6-й недѣли, и самъ одинъ остался приглядывать за пчелами, хоть это было въ лѣсу. Петька съ Акимкою признали одинокое житье старика на пчельникѣ самымъ удобнымъ случаемъ къ совершенію своего злаго замысла, и исполнили его. Вотъ какъ рассказывалъ Акимка объ этомъ происшествіи: «Въ пятницу вечеромъ, предъ вербнымъ

воскресеніемъ, ты собрались ѣхать на пчельникъ. Разумѣется, для смѣлости вышли порядкомъ; потомъ, когда запрягли лошадь, Стефанида Федоровна дала намъ еще деньжонокъ, чтобы мы на дорогѣ зашли въ шинокъ выпить для воодушевленія. Когда мы пріѣхали на пчельникъ, старикъ спросилъ Петьку: за чѣмъ вы пріѣхали?—Петька отвѣчалъ: «мы привезли тебѣ рыбы къ вербному воскресенію, а завтра намъ будетъ нѣкогда; мы будемъ торговать на базарѣ» (въ этой мѣстности базаръ бываетъ въ субботу.)—Потомъ старикъ замѣтилъ ему: «за чѣмъ ты отрываешь отъ дѣла работника? У насъ домъ большой; ему не управиться на дворѣ и до свѣтлаго Праздника.»—Петька отвѣтилъ ему: «я боялся одинъ ѣхать лѣсомъ, потому взялъ и Акимку; а убраться до Пасхи въ домъ Акимкѣ помогу и я.»—Успокоенный такими отвѣтами, Павелъ Николаевичъ приказалъ мнѣ нарубить дровъ и затопить лежанку; я это скоро исполнилъ, и когда затоплена была лежанка, старикъ взялъ скамеечку, сѣлъ противъ огня и сталъ говорить: «сахъ Петруша! какая напала на меня тоска; ну—свѣтъ Божій не милъ! я во всю недѣлю почти ничего не ѣлъ отъ тоски.»—Въ это время я сидѣлъ на задней лавкѣ, за спиною старика, и Петька противъ него на порогѣ. Чтобъ не тратить по пустому времени, я схватилъ старика за волосы и крикнулъ Петькѣ: ну, Петька, работай! за чѣмъ пріѣхали, то и надобно покончить.—Петька, вскакивши съ своего мѣста, схватилъ топоръ лежавшій подъ лавкою, и ударилъ старика обухомъ въ високъ, а потомъ и въ другой. Старикъ ошеломленный ударами, только и могъ сказать: «сахъ, Петька, Петька!»—и, сложивъ пальцы для крестнаго знаме-

(*) хотѣлъ все перекреститься; но не могъ довести руки до лба; я повалилъ его шею на край патмара(**) Петька, оборотивъ топоръ остриемъ, началъ рубить ему шею. Ударивши раза три, Петька почувствовалъ дурноту,—у него сдѣлалось темно въ глазахъ,—бросилъ топоръ и выбѣжалъ на дворъ; а я поднялъ его и ужъ докончилъ старика, т. е. стубилъ почти всю шею, осталось только пальца на два шириною кожи.—Когда Петька, освѣжившись, вошелъ въ избу, мы подняли старика и бросили его въ патмаръ; но намъ представлялось, что онъ встаетъ, и мы оба долго топтали его ногами по груди. Покончивши съ старикомъ, мы задумали скрыть свое преступленіе, и рѣшились съжечь пчельникъ; принесли дровъ, наклали ихъ на лавку, заклали, какъ слѣдуетъ, и отправились домой. Отъжавъ версты двѣ отъ пчельника, мы воротились назадъ—посмотрѣть, горитъ ли онъ?. Но къ нашей несчастію, огонь заглохъ отъ спершагося дыма, въ поспѣшности мы затворили дверь.—Мы снова принесли дровъ, разложили ихъ по лавкѣ, зажгли, радовались, когда пламя охватило стѣны и потолокъ, и, отворивши дверь, поѣхали домой (домой мы не попали, а пропировали до утра въ тепленькомъ мѣстечкѣ.)— Между тѣмъ пчельникъ не сгорѣлъ, огонь погасъ и все осталось цѣло.»—

Въ субботу Петька съ Акимкою торговали прозою; но только большую часть выручки отнесли въ трактиръ. Это многимъ бросилось въ

Въ такомъ положеніи пальцы замерли и остались у мертваго П. Н.

Патмаръ тоже, что коникъ; только въ коникѣ бываетъ полъ, а въ патмарѣ пола нѣтъ, прямо земля.

глаза, многіе спрашивали другъ друга: «что эт
Петька такъ пьянствуетъ, не уважая и настояща
го праздника, и приближающихся страстных
дней»?!—Никто и ничего не могъ сказать больше,
что Петька спился съ круга.

Смерть Павла Николаевича огласилась въ по
недѣльникъ страстной недѣли слѣдующимъ обра
замъ! Стефанида Федоровна, вознамѣрившись разъ
грать, по случаю этого горестнаго событія, трагиче
скую комедію, отправилась къ литургіи и, по окончаніи
ея, пригласила къ себѣ въ домъ старушекъ—бо
гомолокъ провести время до вечерни въ душепо
лезныхъ разговорахъ. Пришедши съ ними домой,
она позвала Акимку и при всѣхъ приказала ему
сходить на пчельникъ—узнать о здоровьи Павла
Николаевича. Акимка отправился; но былъ ли онъ
на пчельникъ, или нѣтъ,—это неизвѣстно, толь
ко возвратившись домой, при всѣхъ старухахъ ра
сказалъ Ст-дѣ Ф-нѣ, что онъ Павла Николаевича
на пчельникъ не нашель, а изба вся въ крови; и
за тѣмъ прибавилъ: «я такъ перепугался, что съ
пчельника бѣжалъ безъ памяти».—Ст-дѣ Ф-нѣ
сдѣлалось дурно и она, для приличія, упала въ
обморокъ. Тотчасъ о всемъ рассказанномъ Акимкою
заявили о. протоіерею и мірскому старостѣ; тог
часъ собраны были понятые и отправлены на
пчельникъ; но, по необычайности этого происше
ствія и отъ того, что они пришли на пчельникъ въ
вечеромъ, ими овладѣлъ такой ужасъ, что изъ нихъ
никто не отважился войти въ избу. Отложили ос
мотръ пчельника до утра. Рано утромъ во втор
никъ одинъ изъ понятыхъ вошелъ въ избу, при
гласилъ войти и другихъ, сказавши, что здѣсь ни
кого нѣтъ и что занекшейся на полу крови очен

ного. Вошли понятые, осмотрѣли все и, открывши патмаръ, увидѣли трупъ П. Н-ча; но къ подробному его осмотру не осмѣлились приступить.

Не далеко отъ пчельника находилась на слѣдствіи временная комиссія Г. . . . земскаго суда; тотчасъ дали ей знать о происшествіи. Комиссія, прибывъ на пчельникъ, сдѣлала предварительный спросъ Стефанидѣ Федоровнѣ и Петькѣ, не подозреваютъ ли они кого въ совершеніи преступленія, все ли имущество, бывшее на пчельникѣ, и самыя пчелы цѣлы? Спрошенные отвѣчали, что не могутъ подозревать никого въ этомъ злодѣяніи; имущество оказалось въ цѣлости, хоть были вещи цѣнныя, напр. мѣдныя котлы, ружья, пистолеты, сабля и др., только не оказалось одной части маринованной рыбы, привезенной отцу Петькою и имъ взятой на закуску послѣ трудовъ. Комиссія, получивъ отвѣты матери и сына и осмотръ имущества, и замѣтивши большое хладнокровіе въ Петькѣ при вышнманіи мертваго тѣла отца изъ патмары, заподозрила въ семь преступленія Петьку. Въ такому заключенію пришла она еще и потому, что если бы кто изъ постороннихъ посягнулъ на жизнь Павла Николаевича, то непременно чѣмъ нибудь да воспользовался бы. При этомъ надобно замѣтить, что какъ только сдѣлалось извѣстнымъ народу убійство П. Н., всѣ въ одинъ голосъ заговорили: *«Петька, Петька убилъ отца, больше некому»*. И на дѣлѣ оправдалась пословица: *«гласъ народа—гласъ Божій»*.

Позвали Петьку къ допросу. На первый разъ разыгралъ такую роль невинности, что въ самомъ дѣлѣ можно бы усумниться въ справедливости подозрѣнія,—залился слезами и не могъ вы-

говорить ни слова; потомъ пріостановившись, началъ говорить: *«слыханное ли дѣло, чтобы сынъ посягнулъ на жизнь отца?»* и прибавилъ, что онъ совершенно невиненъ, что подозрѣнія комиссіи лишь увеличиваютъ страданія его души, разстроенной и безъ того такою тяжкою потерею. Было сдѣлано ему нѣсколько допросовъ, и на всѣ у него былъ одинъ отвѣтъ: *«я совершенно невиненъ»*. Оставалось употребить противъ Петьки хитрости: поручили обдѣлать это дѣло разсыльному земскаго суда—мѣщанину, извѣстному въ то время под именемъ Ваньки Безгрознаго, отличавшемуся хитростію, и смѣлостію, и находчивостію. Преварительно надобно замѣтить, что слѣдствіе производилось въ 5 верстахъ отъ дома, въ другомъ селѣ, комиссія помѣщалась въ господскомъ домѣ, Петька содержался подъ карауломъ въ особомъ флигелѣ.

Наступила Великая Суббота. Ванька Безгрозный, какъ бы принявшій участіе въ положеніи невиннаго Петра Павловича, пригласилъ его съ собою въ баню. Послѣ бани Ванька говоритъ Петькѣ: *«ахъ и вышилъ бы теперь!»*—*«Да, и я съ горю не прочь бы отъ этого»*—прибавилъ Петька: *«Чтожь, за чѣмъ дѣло?»*—спросилъ его Безгрозный.—*«Да денегъ нѣтъ»*—отвѣчалъ Петька. *«Вотъ о чемъ нашель горевать!»*—продолжалъ Ванька: *«тебя всѣ знаютъ и всѣ повѣрятъ въ долгъ; если велишь, я сбѣгаю въ шинокъ и на твое имя возьми водки,—сколько прикажешь?»*—*«Ну, сходи попроси въ долгъ, сколько тебѣ угодно, а я послѣ заплачу»* отвѣчалъ Петька.—Тотчасъ явился штофъ водки и началась попойка. Ванька самъ лишь отвѣдаетъ, а Петьку заставитъ вышить нѣ-

ый стаканъ. Когда такимъ образомъ Петька выпилъ почти цѣлый штофъ, Безгрозный началъ говорить ему и какбы съ участіемъ: «ахъ, Петръ Павловичъ,— допустилъ ты себя до такого безлавія!! Ужъ нечего грѣха таить,—и я самъ убѣжденъ, что грѣхъ-то твой. Да вѣдь дѣло можно еще поправить!»—«Ну предъ тобою, другъ мой Ванюша, я не стану скрывать, грѣхъ мой! только прошу тебя пожалуйста, похлопочи затушить это дѣло; а тебѣ буду благодаренъ» сказалъ ему Петька.—«Будь покоенъ, братъ», отвѣчалъ ему Безгрозный, «мы еще и не такія то облѣльвали дѣла,—я знаю доброту исправника и упрошу его замять это дѣло. Если хочешь», продолжалъ Безгрозный, «я сейчасъ пойду хлопотать о тебѣ предъ исправникомъ».—«Пожалуйста, Ванюша, поди», заключилъ бесѣду Петька.

По выходѣ изъ бани Безгрозный, оставивъ Петьку во флигелѣ, побѣжалъ въ домъ къ исправнику и разсказалъ ему все подробно. Исправникъ позвалъ Петьку къ себѣ и какъ бы съ участіемъ сталъ говорить ему: «ну, что скажешь Петръ Павловичъ? Пора ужъ намъ какъ нибудь дѣло-то и покончить! завтра такой большой праздникъ, намъ нужно поспѣшить и домой къ семейству».—«Что сказать, батюшка N N, сдѣлайте милость, потушите это дѣло; я вамъ буду очень благодаренъ!»—«Вотъ то-то и есть, Петръ Павловичъ! теперь ты просишь затушить дѣло; а когда оно началось, такъ напалъ на одно: не виненъ да не выпенъ!»—тогда бы тебѣ и слѣдовало открыться мнѣ, какъ старинному знакомому, во всемъ подробно; но дѣло это можно еще поправить».—«Пожалуйста поправьте», продолжалъ Петька.— По-

томъ, помолчавъ немного, исправникъ началъ говорить Петькѣ: «ну, разскажи же теперь мнѣ, какъ тебѣ пришло въ голову убить отца?» чѣмъ онъ тебѣ такъ крѣпко насолил?»—«Да просто нельзя было вынуть рюмки водки; замѣтить было, что я вышилъ, вынетъ изъ ружья желѣзный шомполъ и пошелъ ходить по бокамъ». «А съ кѣмъ же ты это состряпалъ; вѣдь ты одинъ этого не могъ сдѣлать?»—Петька, видя, что исправникъ на его рукѣ, и подгоряченный винными парами, пошелъ на откровенность и разсказалъ подробно, какъ и съ кѣмъ онъ рубилъ отцу голову. Во время этого откровеннаго разговора прочіе члены комисіи, отправившись будто прогуляться, стояли, но предварительному условію за стѣною въ сосѣдней комнатѣ, въ которую дверь была отворена, и слышали весь разговоръ исправника съ Петькою. Покончивъ разговоръ, исправникъ закричалъ: «Господа, слышите, что говоритъ Петръ Павловичъ?!»—«слышимъ слышимъ все» отвѣчали члены комисіи, явившись въ гостиную. Петька, ошеломленный такимъ неожиданнымъ для него оборотомъ дѣла, поблѣднѣлъ, затрясся, и хмѣль изъ него весь вышелъ. «Ну, теперь не прогибайся, Петръ Павловичъ; что надѣлалъ, за то и отвѣчай», сказалъ ему исправникъ. Призвали Акимку, сдѣлали ему допросъ и онъ съ первыхъ же словъ сознался во всемъ откровенно. Тотчасъ заковали ихъ въ кандалы и обрили имъ по половинѣ головы.

Послѣ сознанія въ убійствѣ отца, Петька видимо ожесточился; оклеветалъ многихъ, будто они знали о его намѣреніи противъ отца; особенно онъ озлобился противъ сосѣда, бывшаго при открытіи пчельника и помѣшавшаго ему съ Акимкою исполнить свой злой умыселъ. Ни мало не смущаясь, да-

же на очныхъ ставкахъ, показывалъ онъ на него, будто онъ зналъ о его намѣреніи, научилъ его сжечь пчельникъ и обѣщаль ему срубъ избы для пчельника. Разумѣется, это не обошлось невинному сосѣду безъ большихъ хлопотъ; но самъ же Петька и избавилъ его, хотъ и ненамѣренно, отъ части преступниковъ. Въ пьяномъ видѣ, онъ началъ хвалиться своимъ геройствомъ, высказалъ при этомъ, что уже болѣе двухъ лѣтъ онъ искалъ случая убить отца, и «первый, самый удобный случай по моему разчету, представился при открытіи и освященіи пчельника; но мнѣ помѣшалъ тотъ э тотъ....!»!—Чѣмъ же онъ тебѣ помѣшалъ?»—спросили его слѣдователи.—«Тѣмъ, что пріѣхалъ отцемъ на пчельникъ; не пріѣзжай онъ, мы бы давно порѣшили дѣло; а напасть на нихъ обоихъ и убить ихъ мы не рѣшились. Этотъ медвѣдь одинъ переломалъ бы намъ обоимъ ребра!»—Да какъ же ты говоришь, что онъ зналъ о твоёмъ намѣреніи и совѣтовалъ тебѣ сжечь избы?»—спросили его слѣдователи; «самъ бы нечего было его опасаться, можетъ быть онъ бы еще и самъ помогъ вамъ»?—Поставленный такимъ образомъ въ противорѣчіе самому себѣ, Петька сознался, что онъ невинно обнесъ сосѣда въ отмщеніе за то, что онъ рассказывалъ отцу о всѣхъ его шалостяхъ. Дѣло Петькино покончилось тѣмъ, что они съ Акимкою были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь—въ каторжную работу.

Не осталась безъ должнаго наказанія и Степ. Фед., хотъ подозрѣнія въ согласіи на убійство мужа не навели на нее ни Петька, ни Акимка, ни однимъ словомъ. Самъ уже Богъ ее покаралъ.—Пришло ей въ голову, что Петькѣ, по его молодости, можетъ быть прощено убійство отца и что дѣло его можетъ быть порѣшено духовнымъ по-

каянiемъ.—Почему она и во время слѣдствiя, и во время тюремнаго заключенiя Петьки въ острогѣ сильно хлопотала о смягченiи суда надъ нимъ; но все ея хлопоты не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Когда Петька сосланъ былъ въ Сибирь, она подала прозьбу начальнику губернiи, въ которой прописала, что когда мужъ ея былъ убитъ и имѣнiе ея было опечатано, то, по вскрытiи печатей, не оказалось того-то и того-то. Производилъ слѣдствiе сначала полковникъ жандармовъ; потомъ, по ея же прозьбѣ на имя Государя Императора, и Флигель—адъютантъ; но никакихъ вещей, ни у кого не было найдено и никто изъ оговоренныхъ ею не былъ уличенъ ни въ чемъ. Почему судъ и приговорилъ: «за клевету наказать ее плетью и сослать въ Сибирь на поселенiе».—Хоть долго и скрывалась Ст. Ф. отъ своей участи, но послѣ двухгодичнаго укрывательства была поймана, наказана плетью и сослана въ Сибирь.—

Остался послѣднiй сынъ Иванъ.—Когда онъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ оставшагося отцовскаго достоянiя, закутилъ ужаснымъ образомъ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кутежа, у него не осталось ни копейки, даже и домъ былъ проданъ.—Ставъ въ такое безвыходное положенiе, Иванъ Павловичъ вынужденъ былъ приняться за поденную работу; но безъ привычки къ труду, она ему не понравилась; почему онъ за лучшее счелъ поступить на царскiе хлѣбы—наняться въ рекрутскiе и поступить въ военную службу. Какъ онъ служилъ и живъ ли еще,—незнаю.

Вотъ какая участь постигла все богатое семейство!

(Продолженiе будетъ)

Редакторъ: Ректоръ Семинарiи Архимандритъ Геннадiй.

Съ дозволенiя цензуры. 31 Мая 1867 года,

Тамбовъ. Въ Типографiи А. А. Студенецкаго, на Дворянской улицѣ.